

Танцовщица в луче смерти

Автор:

Евгения Михайлова

Танцовщица в луче смерти

Евгения Михайлова

Детектив-событие Частный детектив Сергей Кольцов

Возвращаясь домой через лес, Артем стал свидетелем ужасной сцены. Он очень хотел обо всем забыть, но кошмар не отпускал его...

Частный детектив Сергей Кольцов занимался поисками загадочной красавицы Виктории Корнеевой. Волею случая Сергей оказался в подмосковном лесу, когда там нашли тело молодой девушки...

Виктория дошла до крайней точки отчаяния. Она не сомневалась ни минуты и готова была заплатить за то, что собиралась сделать...

Шанс изменить свою жизнь бывает у каждого. Но не каждый может им воспользоваться...

Евгения Михайлова

Танцовщица в луче смерти

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Артем вышел на черно-белую улицу, театрально освещенную фонарем, и глубоко вдохнул запах ночи, снега, зимней тайны, которая с детства наполняла его грудь необъяснимым ликованием. Одно изменилось. Когда он был ребенком, ощущал себя среди ночи большим, просто великаном. Сейчас он, взрослый, серьезный человек, на белом пространстве под темным небом, под взглядом бледной луны разрешил себе побыть тем маленьким смешным мальчиком, которого все так любили, а он открывал по утрам глаза, чтобы увидеть радость, и засыпал, чтобы скорее ночь прошла. Конечно, его любят и сейчас, но по-другому. За что-то. За то, что неглупый, добрый, ответственный, надежный. Хороший сын и муж. А так хочется иногда, чтобы все было как подарок, как чудо. Особенно этого хочется вот в такой пятничный вечер. Когда кажется, что впереди два дня абсолютной свободы и покоя... А может, неожиданной радости, кто знает.

Артем не пошел к метро прямым путем, он сделал небольшой крюк, чтобы прогуляться по парку. В последнее время он почти не ездил на работу на машине. Пробки и связанная с ними нервозность казались ему абсолютно неоправданной потерей времени и сил. Несколько остановок на метро – гораздо быстрее и спокойнее. Это Юля, жена, считает, что ситуация выходит у нее из-под контроля, если она не за рулем. Юля и ее автомобиль – это единый организм, стремительный и страстный. Артем улыбнулся, представив себе Юлю, которая разговаривает, ругается и шутит со своей «Тойотой». А та в ответ фыркает и все делает по-своему...

Он издали заметил каких-то людей, которые то ли шутливо боролись, то ли на самом деле молча дрались довольно далеко от дорожки, за деревьями. Вот это и показалось Артему странным – все происходило в полной тишине. Он помедлил какое-то время: очень не хотелось прерывать свою одинокую, упоительную прогулку. Он вообще-то не был зевакой, он даже созерцателем не был. Юля как-то в сердцах сказала, что такое отсутствие любопытства по отношению к другим людям на самом деле есть равнодушие. Артем тогда не обиделся, просто пожал плечами и сказал: «Тут надо выбирать. Или любопытство к тому, что делает вокруг огромное количество людей, или интерес к собственным мыслям. Я вообще-то математик, извини. Мне таблица умножения важнее даже соседки тети Клавы». Юля рассмеялась и обняла его: «Никогда бы не подумала, что так влюблюсь в ходячую теорему. Терпеть не могла математику».

Однако там происходит что-то странное. Артем свернул с дорожки и направился к людям за деревьями, стараясь не выходить на открытое пространство. Он шел по снегу, местами проваливаясь почти по колени и уже понимая, что может увидеть. Остановился за очень толстым дубом, чтобы они его не увидели. Трое мужчин поднялись, поправляя одежду. Что-то шевелилось у их ног. Артем надел очки... На снегу лежала девушка. Ее рот завязан шарфом, он разглядел куртку и свитер, а дальше... У Артема потемнело в глазах, когда он увидел голые ноги, бедра, живот. Мелькнула дурацкая мысль: может, он спит и это страшный сон? Что ему делать? Он всю жизнь в трудных ситуациях мысленно призывал на помощь мать. И она давала ему верный совет. Его математический мозг в секунду воспроизвел фразу, сказанную мамой однажды: «Если ты встретишь хулиганов, которые кого-то обижают, и они сильнее тебя, никогда не лезь к ним. Не поможешь, только сам пострадаешь. Звони в милицию». Он дрожащими руками достал телефон, набрал 112, потом 2, ему ответил дежурный, он отвернулся, чтобы насильники не услышали, сбивчиво заговорил: «Я звоню из парка... Тут... тут изнасилование...» – он повернулся, посмотрел и потерял дар речи. Он увидел огромные, на пол-лица, глаза девушки, нож у ее груди, затем кровавое пятно на светлом свитере... Дальше все произошло в считанные минуты. Двое подняли тело девушки, третий собрал ее одежду, разбросанную на снегу, и они быстро пошли. Артем сунул телефон в карман, какое-то время шел за ними на расстоянии, споткнулся о какую-то корягу под снегом, упал, потерял очки, не стал искать, побрел дальше. Когда они подошли к машине и стали заталкивать тело в багажник, он опять полез в карман за телефоном, но... Он не позвонил. Они уже уезжали. Он не смог определить даже марку машины, цвет – то ли черный, то ли синий, – номера он просто не видел. Что он скажет, чем подтвердит свои слова, кто ему поверит?

Машина унеслась на большой скорости, а Артем просто сел в снег, набрал его в ладони, умылся, глотнул... Ему было нечем дышать, впервые в жизни болело сердце, но невыносимее всего оказалось полное смятение в мозгу. Что он мог сделать, но не сделал? Как должен поступить сейчас? Как вообще выйти из этого кошмара и вернуться в свою жизнь – к обычным делам, к нормальным людям, к привычным человеческим отношениям... Артем содрогался от жалости к несчастной девушке, он все еще видел ее глаза, полные ужаса и боли, а в мозгу уже был готов алгоритм оптимального поведения. Девушки больше нет, ей он помочь не смог. Любые его действия – обращения в полицию, поиски информации о пропавших девушках – внесут разрушения не только в его жизнь, работу, науку. Они принесут страдания его близким. Артем вспомнил, как Юля однажды читала ему статью из какой-то газеты: один студент сообщил в полицию об убийстве, преступники убежали, их даже искать не стали, а

добровольный свидетель оказался подозреваемым, потом обвиняемым... Близким удалось его вытащить из тюрьмы, но парень был искалечен во время допросов... Короче, проще задачи не бывает. Ответ: он ничего не видел, никому ничего не расскажет, он постарается все забыть. И он не будет больше ходить домой по пятницам через парк.

Глава 2

Юля припарковалась во дворе дома, вошла в подъезд, кивнула приветливо консьержу. Подруга Таня уже ждала ее на пороге своей квартиры на высоком первом этаже. Юля замедлила шаг и прошла по коридору в холл походкой «от бедра». Торжественно сняла дубленку, небрежно бросила ее на кресло и несколько раз повернулась вокруг собственной оси перед зеркалом от потолка до пола. На ней было вязаное бирюзовое платье с небольшим декольте и рукавами «кимоно», свободное сверху, оно сужалось книзу и застегивалось, точнее, расстегивалось с одной стороны по высокому разрезу.

– Слушай, – восхитилась Таня. – Я вот, честно, не помню, когда тебя в платье видела. Только в джинсах. А ты в платье совсем другая. Ну, такая... Не скажу, что в нем есть что-то особенное... Просто всего в меру, не банально, не чересчур, хороший вкус, цвет чудесный. И ты в нем – такая нежная, как цветок. Ты вообще в своих любимых штанах на мальчика-подростка похожа, который мамино обручальное кольцо нацепил.

– Вот не можешь ты остановиться на комплименте, – рассмеялась Юля. – Обязательно нужно добавить ложку дегтя.

– Боюсь даже спрашивать, сколько стоит эта чудная простота...

– Правильно боишься. Я все равно не скажу. Это не тот случай, что бывает у твоих клиенток. Я не просто не платила три зарплаты за имя дизайнера. Я это платье как-то во время обеда заказала по каталогу и забыла. Цвет понравился. А мне его сегодня на работу принесли.

– Ну, стоит-то сколько?

- Таня, помнишь, ты в прошлый раз, когда я у тебя была, одной клиентке баночку крема продавала в таком блестящем мешочке с бантиком?

- Ну, да. Это хорошая, дорогая маска. 50 граммов.

- А это платье - вдвое дешевле крема. Даже с доставкой.

- Ты смеешься?

- Тань, я всегда говорю правду. Сейчас брендовая одежда - признак дурного вкуса. Так что я - вся из себя, - и приехала к тебе, чтобы ты меня чуть-чуть подмазала. Знаешь, не только ты меня годами в джинсах видишь, но и мой муж. Хочу ему сегодня понравиться, может, даже в кино приглашу. В театр он не пойдет.

- Почему?

- Водила его пару раз. Модные спектакли, артисты ничего, но Темка оба раза пытался сначала уйти, потом уснуть... Говорит, даже он не смог бы так плохо притворяться.

- Умный он слишком, - улыбнулась Таня. - Какой театр? Вы, наверное, и по выходным теоремы какие-нибудь доказываете.

- Нет, - Юлины темные глаза под каштановой челкой ласково осветили узкое, аккуратное лицо с детским вздернутым носиком. - Он мультики смотрит по субботам и воскресеньям. И комедии Гайдая. Одни и те же. Он так отдыхает.

- Я всегда говорю: мужики - вечные дети, - заключила Таня. - Ты иди, устаивайся перед зеркалом, я кофе сварю. Бутерброд съешь?

- Не стоит. Ирина Ивановна в пятницу всегда сложный ужин готовит и обязательно шарлотку. Половину съедаю я.

- Со свекровью тебе повезло еще больше, чем с мужем. Не то, что мне: ни с ним, ни с ней.

Юля прошла в спальню Тани, которая являлась и ее рабочим кабинетом. Лет пять назад они обе закончили филфак пединститута. Юля с красным дипломом. Сейчас она работала в небольшой фирме по дизайну интерьеров, подруга Таня стала довольно востребованным визажистом, кормилицей семьи, состоящей из мужа-бюджетника и дочки-первоклассницы. По пятницам девочку забирала свекровь и, как в воскресенье вечером рассказывала Дианка, два дня причитала над ней: «Что ж у тебя за мать такая: на работу не ходит, за тобой и папой не смотрит».

...Минут через сорок они уже все обсудили, придумали выход из всех своих проблем, что-то вспомнили, над кем-то с удовольствием посмеялись... Юля внимательно посмотрела на себя в зеркало. Как это у Тани получается? Макияж вроде бы совсем незаметен. Только Юлино неброское, неяркое лицо стало совсем другим – в нем появились загадка, женственная прелесть и даже легкое высокомерие красивой женщины, каковой Юля себя вовсе не считала.

– Богиня, – подмигнула ее отражению Таня.

– Главное, чтобы Темка увидел меня до того, как я умоюсь, – рассмеялась Юля и заторопилась домой. У них было не принято опаздывать к ужину.

Она влетела в квартиру и в прихожей наткнулась на встревоженный взгляд свекрови Ирины Ивановны.

– Артема нет? – сразу поняла Юля.

– Да. И почему-то телефон недоступен.

С Юлиного лица слетело парадное выражение.

– Может, он задержался на работе?

– Я звонила. Он ушел.

– Телефон мог разрядиться, – пробормотала Юля и тут же радостно повернулась на звук открываемой входной двери. – Артем! Мы уже волновались...

Она растерянно замолчала, увидев его. Он выглядел очень странно: весь в снегу, под глазами красные пятна, как будто он долго был на морозе.

– Я потерял очки, – сказал Артем. – Решил прогуляться до метро через парк, сошел с дорожки, споткнулся о какую-то корягу, упал... Знаете, я их искал, от снега, наверное, ничего не видел.

– У тебя не отвечал телефон, – сказала Ирина Ивановна.

– Наверное, разрядился аккумулятор... Мама, я набрал в ботинки снега, замерз. Я сразу в ванную пойду, согреюсь.

– Да, конечно. Я тебе приготовлю глинтвейн, – сказала ему вслед Ирина Ивановна и посмотрела на Юлю: – Тебе не кажется, что он заболел?

– Кажется, – жалобно сказала та. Ее эмоции по отношению к мужу всегда были острыми, требующими действия.

Они накрыли на стол, сели и молча ждали, пока в столовую войдет Артем. Он сел, мать придвинула к нему высокую кружку дымящегося глинтвейна. Он сделал несколько жадных глотков, улыбнулся.

– Ну, наконец, я дома. Честное слово, страшно там стало.

– Сколько раз я тебе говорила, что мне не нравятся твои хождения через парк, – назидательно сказала Ирина Ивановна. – Особенно зимой, когда так темно... С твоим зрением. Вот, очки потерял.

– Ну, это не самое страшное, – белозубо улыбнулась Юля. – Очки он потерял. А я так старалась! Да вы посмотрите на меня!

Она встала из-за стола, подняла над головой руки, как кукла-балерина, и покрутилась перед ними в своем бирюзовом платье.

Артем смотрел на нее, как всегда, восхищаясь, хотел что-то сказать, но тут его взгляд упал на высокий разрез, на тонкую ногу, которая казалась обнаженной почти до бедра... Дальше он изо всех сил попытался остановить поток ярких

видеокадров: голые ноги на снегу, рот, завязанный шарфом, огромные глаза, полные муки и боли, алое пятно на светлом свитере... Голова закружилась. «Мне плохо», – выдохнул он, вцепившись руками в стол. Юля и мать бросились к нему.

Глава 3

Это была самая тяжелая ночь в его жизни. Артему удалось вечером остановить мать, которая рвалась вызвать «Скорую», затем он послушно лег в постель, глотал лекарства, теплое питье, терпел грелки и компрессы... Он выносил хлопоты матери и жены и не мог дождаться, когда, наконец, погаснет свет и его оставят в покое. В темноте он вздохнул с некоторым облегчением, потом напряженно ждал, пока Юля уснет рядом... И тут началось самое страшное. Артем понял, что там, в парке, его сознание и восприятие были притуплены невероятностью происходящего. Сейчас он восстанавливал события по деталям, секундам. Его мозг ученого принимал условия и выдавал ответ: он видел живую девушку, ее насильников, он не помешал убийству. Для того, чтобы с этим жить как прежде, нужно что-то сделать с эмоциями, надо отодвинуть подальше хотя бы на время все правила своей жизни. Принципы порядочного человека. Так получилось, он был бессилён, ничего уже не поправишь, можно только бежать. Бежать из этого кошмара в свою упорядоченную, защищенную жизнь на другом краю... И это единственно верное решение, только... Только бы эту ночь пережить, пройти, оставить позади. Всего одну ночь. Артем привык считать, что умеет подчинять себе время.

Но как же она его терзала, эта ночь. Сколько раз он вновь прошелся по той аллее. Еще ничего не произошло. Еще можно поменять условия, – казалось его воспаленному мозгу. Пройти мимо. Не повернуть головы. Не увидеть. Господи боже мой, у него же зрение минус пять... Но условия не менялись. Он видел все еще более отчетливо, чем тогда. Три мужские фигуры. Одна спина в коричневой дубленке – широкая, массивная. Другой стоял в профиль в синей куртке: что-то подтягивал и застегивал, он показался ему худым. Лицо... Тогда оно было просто белым пятном. Сейчас, при невероятном напряжении нервов и мыслей, Артему удалось вспомнить удлинённую физиономию, кажется, с усами... Третий стоял лицом к нему. И почему-то именно его облик ускользает. Конечно, он сохранился в каком-то уголке памяти, просто не получается его найти. Так бывает, когда голова переполнена документами, сводками, цифрами, а ему нужно отыскать во

всем этом какую-то короткую, именно сейчас необходимую таблицу... Он в таких случаях обычно старается расслабиться, думать о какой-нибудь ерунде: скажем, какой свитер надеть утром на пробежку. Потом провалиться в сон на пару часов, проснуться с ясной головой и нужной таблицей перед внутренним взором.

Только сейчас задача обратная. Забыть все случившееся навсегда. Это ему не пригодится! Артем с тоской посмотрел на щель в плотных шторах: вроде бы начинает светать. Он скоро встанет, смочит все холодным душем, вернется в свою жизнь, где нет ни одной свободной минуты. Даже когда он просто лежит на диване и смотрит в потолок или на экран телевизора, где крутится любимый мультик, его мозг напряженно работает. Артем не верил, что есть люди, которые могут ни о чем не думать или решать, к примеру, чем себя занять. Утром все покажется ему страшным сном, который будет забыт через полчаса. Но сейчас... Сейчас придется пройти через самое тяжелое испытание. Он вытер пот со лба, облизнул пересохшие губы... С этим не имеет смысла бороться. Это необходимо пережить. Страшную жалость к девушке, которую он видел живой! Она испытывала ужасные муки: боль, страх и, конечно, надежду... Ее глаза – большие, то ли темные, то ли с расширенными зрачками, – смотрели с мольбой... Она умоляла о прекращении истязания, она не думала, что сейчас ее жизнь оборвется... Артем увидел небольшую девичью грудь под светлым свитером, затем большое алое расплывающееся пятно и вдруг почувствовал резкую боль в левой стороне собственной груди. Второй раз в жизни у него болит сердце, но теперь это было по-другому: как будто холодный клинок пронзил его... Артем вскочил, не в силах терпеть, быстро прошел в ванную, открыл кран с холодной водой, наклонился и долго держал под ним голову, плечи... Потом выпрямился, потянулся за полотенцем и увидел себя в зеркале. На левой стороне груди отчетливо выделялось багровое пятно... Это уже никуда не годится. Он позволил воображению подчинить свой организм. Все выходит из-под контроля. Так и с ума сойти можно. Он нуждается в спасении... А спасение – это Юля, – отчетливо понял он. Он вернулся в спальню, погладил Юлины короткие волосы, лицо, поцеловал худенькое плечо. Она сразу открыла ясные глаза и улыбнулась ему. Юля была единственной женщиной в жизни Артема, ради кого он мог забыть на время даже о науке. И, стало быть, ради ее любви и покоя он преодолет, забудет все, что произошло с ним этим вечером. Так просто и сразу, в сладких объятиях любимой женщины, нашлось решение уравнения с одними неизвестными. Все прошло.

Юля опоздала на работу, что с ней случалось крайне редко. Она бежала к офису от машины, смущенно улыбаясь и на ходу придумывая какое-то объяснение. Хотя сейчас и придумывать ничего не надо. Оно есть у всех на все случаи жизни: пробки! Юля помедлила, перед тем как войти в помещение. Ей было жаль расставаться с воспоминанием о субботнем утре – когда Артем ее вдруг разбудил. Они очень любили друг друга, никогда ни один из них в этом не сомневался, но моменты безоглядной, бездумной страсти не были нормой в их отношениях. Слишком много сдерживающих моментов. Очень правильное в самом прямом смысле слова домашнее воспитание обоих, врожденная деликатность и осознанное чувство меры, уважение друг к другу, просто опасение перед разрушением строго очерченных границ личности, много чего... Может, это все – просто тараканы в голове, мешающие получать удовольствие друг от друга, – растерянно думала Юля. А может, это их формат любви, и им не грозит известная ситуация – «страстные ночи и плохие дни». Они берегли личное пространство и покой друг друга. Юля иногда рядом с Артемом очень скучала по близости с ним. Но она никогда не прервала бы его работу или сон... А он прервал вдруг, так неожиданно. Он ведь простудился вечером в пятницу в парке, ему было плохо... Горячая волна пробежала по телу Юли, она задержала дыхание, потому что в груди как будто била крылышками радость. Как в детстве, на самом высоком взлете качелей... Юля была счастлива. Взрыв страсти такого сдержанного, постоянно контролирующего себя человека, как Артем, – это не просто любовь. Это наверняка большая любовь, далеко не каждой женщине суждено такую узнать...

Она влетела в рабочую комнату, на ходу расстегивая меховой жакет, звонко сказала: «Всем привет. Извиняюсь за опоздание. Выехала на полчаса раньше обычного, но, как водится, застряла в пробке...» Все пять ее сослуживцев повернулись к ней, кивнули, взглядами указали на скорбную Любу, сидящую за своим столом у окна. Люба молча посмотрела на Юлю, явно демонстрируя огромный фингал под глазом и ожидая ее реакции.

– Ну, опять, – расстроено произнесла Юля. – Да что ж это такое!

– Может, вы, наконец, работать начнете, – открыл дверь своего кабинета шеф Андрей Петрович. – Вы, между прочим, опоздали, Соколова, – взглянул он на Юлю. – Не стоит, не тратьте время. Я слышал про пробки. К обсуждению внешнего вида Николаевой сможете вернуться во время перерыва. – Он почти ушел, потом затормозил, резко повернулся и уставился на Любу. – Николаева, я

не считаю возможным вмешиваться в вашу личную жизнь, но не могу не заметить. Раз с вами это случается, есть же какие-то способы, медицина идет вперед. Нельзя появляться в таком виде все-таки... Конечно, у нас скромная контора, несколько сотрудников, это не офис «Газпрома» и не приемная президента. Но у нас тоже бывают заказчики, и мы тоже люди. Некоторые из сотрудников мужчины. Наденьте хотя бы темные очки.

Шеф скрылся за своей дверью, все некоторое время смотрели на нее крайне неодобрительно.

– Ничего себе, – произнес потрясенно Коля, – какая работа, какой перерыв? Мы же не проглотим эту дискриминацию. Мы будем звонить... Юристам, в комитет по правам человека, в Гаагский суд, в СМИ, ну, и в эту... в женскую консультацию.

– Коля, – довольно заулыбалась Вероника, полноватая дама с ироническим прищуром и отпечатком комплекса абсолютной полноценности на челе. – Мы, конечно, радостно устроим этот перезвон. Ты только объясни нам, непросвещенным, какой дискриминации подверглась Николаева со стороны шефа?

– Ты не понимаешь? – Коля вылез из-за стола, картинно прошел в центр комнаты и встал в позу оратора. – Я в шоке от вашей темноты, дамы и господ. Мы были свидетелями многосторонней дискриминации: по состоянию здоровья, по внешнему виду, по половому признаку, ну и, конечно, по сексуальному.

– Это как? – уточнила Вероника.

– Объясню. По сексуальному признаку – кому она такая нужна теперь, эта Николаева. Насчет внешнего вида и здоровья, думаю, всем понятно. А половая дискриминация, – ох, как она мучает женщин, – тут и так все ясно.

– Нет, – решительно сказала Вероника.

– Я не знаю, тупая ты, что ли... Разве фингал под глазом Любы не следствие того, что она женщина и ее истязает муж? Разве шеф не сказал открытым текстом: «Надень очки, Николаева, скрой от нас свою беду и свою женственность. Это нам безразлично, поскольку мы тебя презираем».

– Теперь понятно, – Вероника повернулась к своему компьютеру. – Начинай звонить. Лучше всего – в женскую консультацию.

– Конечно, – Коля устало вернулся на место. – В женской консультации консультируют женщин, я правильно понимаю?

– Слушай, Коля, не трепись, а? – попросила Юля. – Ну, что ты из всего цирк устраиваешь. Давайте работать. А потом подумаем, что нам делать. Ну, что ж мы все наблюдаем, как человека просто убивают.

– Не усугубляй, – пробормотала из своего угла, не отрывая глаз от эскиза, Вероника, воспринимающая окружающую действительность под девизом – «только не надо». – Любу еще не убили и даже не пытались. Ее иногда бьет по морде муж. Если она с ним не разводится, значит, ее это устраивает. Нам тут нечего наблюдать и не над чем думать.

Люба покраснела и прижала к носу платок. Юля сверкнула взглядом в сторону Вероники и села за свой стол.

– Хорошо, – спокойно сказала она. – Всем действительно незачем вмешиваться. А вот лично я собираюсь поговорить с ним, с этим... извини, Люба, просто приличного слова для него не нахожу. А пока работаем.

– Ты только возьми меня на дипломатические переговоры, – умоляюще прошептал Коля. – В отличие от Ники, я это готов наблюдать постоянно, выражать неизменное сочувствие, а во время нашей встречи в верхах оказывать тебе, Юлька, информационную и интеллектуальную поддержку.

– Отстань, – сердито сказала Юля и взяла трубку телефона. Звонил заказчик. Они договорились ехать смотреть достраивающийся дом. – Люба, я через час уеду, буду тебе звонить. Ты без меня не уходи. Я сегодня отвезу тебя домой.

Роман, хозяин особняка, который по телефону говорил с Юлей почтительно, даже заискивающе, встретил ее у ворот, окинул взглядом и тут же перешел на «ты слушай, чего я говорю». Они много часов провели, обходя большие комнаты огромного двухуровневого четырехэтажного дома, обсуждая концепцию интерьера в целом, по комнатам и по деталям. Это, конечно, очень идеализированное определение их занятия. На самом деле Роман по-бычьему продавливал свои совершенно ломовые идеи, которые по глубокому убеждению Юли превратили бы этот дом в нечто среднее между дешевым кабаком и карикатурно богатым дворцом с чудовищным смешением стилей – от подделки под царские хоромы до отелей в стиле рахат-лукум. Его роль в обсуждении поначалу сводилась к поискам, куда бы еще присандалить двуглавого орла, лепнину, чучела животных из Красной книги, как бы повыгоднее подать золотые унитазы с бриллиантами и т.п. Потом он понял, что Юля не разделяет его эстетических пристрастий, и надулся, зло и подозрительно поглядывая на нее из-под выпуклого лба, которому придали бы законченность рога.

Юля внимательно посмотрела на него, улыбнулась и села на широкий подоконник.

– Устала. Сколько километров мы в целом прошли, интересно... Вы, наверное, тоже устали, Роман? Присаживайтесь рядом. Конечно, мы все сделаем, как вы хотите. А сейчас устроим передышку. Хотите, я просто расскажу вам, как сама увидела этот дом, каким он может быть? Ну, просто помечтала: допустим, он мой...

Она говорила с таким увлечением, так образно и ярко, что он неожиданно для себя заслушался, приоткрыв рот. Юля описывала в деталях легкие, светлые комнаты, из которых можно уйти в другие – где цвета, отделка и мебель создадут атмосферу изолированного уюта, тепла, мягкого, расслабляющего комфорта... Она любила начало дела, когда все существует только в воображении, когда по-настоящему тяжелая работа только впереди, а пока она просто живет в доме, которого нет. Но слушатель у нее был, конечно, тяжелый. Диалога у них в принципе не получилось и не могло получиться. Просто он закончил свой монолог, и она повела свою роль. Ему явно было интересно, и в то же время он находился в напряжении, поскольку у него могли отобразить то, что ему нужно. Кабак и рахат-лукум. Его мозг был в смятении, его самолюбие страдало, а в исходящих от него флюидах крутого распорядителя жизни, которому надо схватить лучшее, несмотря ни на что, – Юля просто задыхалась. Она не стала ждать его решения. Ухватилась за его отсутствие.

– Я представлю вам предварительные эскизы, начнем обсуждение предметное, хорошо? Я помню ваши пожелания.

– Представь, – кивнул он. – Только учти: я не люблю всякой тянучки. Сказала – сделала. Так я люблю.

– Я поняла, – Юля слезла с подоконника, положила в сумку блокнот с записями. – Я поеду, да?

– Выпить хочешь? – спросил Роман, все еще не вышедший из ступора. – Тут есть виски, коньяк.

– Ой, нет, спасибо. У меня еще дело серьезное. Я поеду.

– Да?

– Да. Спасибо еще раз. До свидания. Я вам позвоню.

– Я сам тебе позвоню.

...Когда Юля влетела в офис, там уже никого не было, кроме унылой Любы.

– Извини, Любочка, давно одна сидишь? Вроде Коля собирался с нами ехать. Сочувствовать.

– Смылся раньше всех этот Коля. Говорит, я не подписывался ехать в ночь к женоубийце. Это он про Ваську моего.

– Понятно. Думаю, его мудрое решение пойдет на пользу им обоим. Ну, что? Поехали? Ты домой звонила?

– Нет. Черт его знает. Может, его еще не расклинило?

– Ну, тогда сами посмотрим. Если что-то не так, поедешь к нам ночевать.

– А что может быть так, – проворчала Люба. – Только я все равно дома останусь. Он не дожидется, чтоб я ему квартиру освободила. Пусть убивает.

Глава 6

– Откроешь сама или позвоним? – спросила Юля на площадке перед дверью.

– А чего ему звонить, – Люба сосредоточенно рылась в сумке. – Слушай, ключей нет. Я, наверное, утром их забыла, когда вылетала. Он дома был, я просто дверь захлопнула. Придется звонить.

– Звони.

Люба звонила минут десять. Дверь не открывали.

– Может, его дома нет? – спросила Юля.

– Ну, как нет. Свет горел, я видела во дворе.

В это время за дверью раздалось какое-то шевеление, затем створка медленно открылась, и на пороге возник Любин муж – Василий, высокий, худой, в джинсах, майке и комнатных тапках.

– Здравствуйте, – вежливо сказала Юля.

– Дай пройти, – отрывисто бросила Люба, не глядя на него.

Он что-то промямлил, продолжая загораживать дверной проем. Люба рванулась, оттеснила его, вошла в прихожую и повернулась:

– Юль, заходи. Ты не обращай внимания. Обойди его, у него бывает столбняк.

Юля деликатно обошла Василия, улыбнувшись ему, как светскому знакомому, и встала в прихожей рядом с Любой, которая уже повесила на вешалку пальто и

снимала сапоги... В этот самый момент из комнаты вышла женщина в домашнем халате и в тапках на босу ногу. Ее густые черные волосы были в явном беспорядке.

- Ах, ты... Ах, вы... - Люба задохнулась, не находя слов, с сапогом в руке.

- Здравствуйте, - совершенно механически, в полном недоумении произнесла Юля.

- Привет, - насмешливо ответила женщина, глядя не на Юлю, а на красную Любу с позеленевшим за день фингалом под глазом. - Ты что-то сказать хотела? Или не хотела? Так я пойду, Васенька. - Она нарочито медленно прошла мимо Любы к входной двери, медленно покачивая тяжелыми бедрами.

- Не надо, - вскрикнула Юля, но Любин сапог уже летел в голову брюнетки.

Та рванулась обратно, с шипением схватила Любу за плечи и стала ее трясти, Василий, отталкивая свою гостью, махал кулаком перед Любиным лицом. Юля на мгновение застыла в ужасе. А потом звонко крикнула:

- Прекратите немедленно! Я звоню в милицию! Тьфу, в полицию! Я мужу позвоню!

Все молча уставились на нее. Она демонстративно достала телефон.

- А че она мне предъявит, твоя полиция? - быстро сказала брюнетка. - Я к соседу за солью зашла. А эта сумасшедшая меня сапогом чуть не убила. В общем, мне домой надо. У меня суп на плите, - она вновь пошла к выходу, виляя бедрами чуть энергичнее.

За ней захлопнулась дверь, но Василия это не охладило. Он прижал жену к стене, глядя на нее бешеными глазами, и твердил одно и то же:

- Ты че, опять за свое? Опять мне нервы трепать будешь? Тебе все мало? Я ж предупреждал. Не доходит?

– Да пошел ты, – оттолкнула его Люба. – Угрожать вздумал? Ты каждый день эту подстилку в мою квартиру таскаешь? Пошел вон отсюда, паразит проклятый...

Она упала под градом ударов... Юля бросилась к ним и брызнула в лицо Василию газовым баллончиком, который носила на всякий случай в сумочке. Он закашлялся, стал тереть глаза, плевать.

– Извините, – сухо сказала Юля. – Я ношу это на случай встречи с хулиганами. Пригодилось первый раз. Люба, ты можешь встать? Я все-таки вызову полицию. Ты не можешь оставаться в квартире с этим психопатом. Пусть его заберут за хулиганство, я свидетель.

– Смеешься? – хрипло сказала Люба, вытирая платком кровь, льющуюся из разбитого носа. – Кто его заберет? Участковый – его одноклассник. Я как-то вызывала, так они мне оба угрожали.

– Хорошо, – стараясь говорить очень уверенно, произнесла Юля. – Тогда разберемся сами. Люба, квартира, я знаю, твоя. Ты его прописала?

– Нет, конечно. Он у матери в коммуналке на Преображенке прописан.

– Как удачно. Значит, с разводом вообще никаких проблем не будет. Ему есть куда переехать, – сказала Юля.

– Ты чего тут раскомандовалась? – Василий уставился на Юлю покрасневшими глазами. – Проблем у них не будет! Я тут живу, поняла? Семь лет уже. Имею право на эту жилплощадь. Мы еще посмотрим, кто в коммуналку поедет... Так, значит, я подстилку таскаю? Ко мне соседка за солью зашла, а вот с кем эта тварь путается, с какими клиентами по ночам интерьеры оформляет, а потом я у нее в сумке ее же трусы нахожу... В этом мы разберемся. Я сам на развод подам...

– Тварь, говоришь... – Люба смотрела на мужа с такой исступленной ненавистью, что Юля почувствовала озноб.

– Стоп! – сказала она. – Это уже сумасшедший дом. Вы сейчас оба друг для друга опасны. Вы просто не соображаете, что можете натворить в такой злобе.

Поэтому предлагаю решить: кто из вас отсюда уедет до завтра. Чтобы остыть, продумать все и начать нормальные переговоры. Не знаю, можете ли вы договориться о каком-нибудь примирении, но в случае развода нужно нанимать хорошего адвоката тебе, Люба, который и поведет твои дела.

- Дела... - криво ухмыльнулся Василий. - Деловые обе две. Я отсюда никуда не пойду. Поняли?

- Да, - спокойно ответила Юля. - Одевайся, Люба. Переночуешь у нас, завтра приедем с моим мужем и адвокатом, будем разговаривать серьезно.

- Он замки может поменять, - сказала Люба.

- Ну, это вообще не вопрос. Паспорт не забудь. Вызовем ментов, дверь вскроют, акт составят. Не вся же полиция с ним в одном классе училась. Да, возьми документы на квартиру.

- Я ей щас возьму, - рванулся Василий.

- Вы ей ничего не сделаете больше, - встала перед ним Юля, стараясь говорить твердо, что было трудно: у нее зубы стучали от страха. Она никогда не видела таких ужасных отношений. - Вы, Василий, плохо знаете Уголовный кодекс. У вас есть шанс с ним познакомиться. Я прямо сейчас звоню очень хорошему следователю, который, как это ни смешно, был одноклассником моего мужа.

- На понт решила брать? Следователь, кодекс... Пошли вы обе, проשמандовки.

- Люба, давай на кухне кофе выпьем, и я позвоню. Артем, наверное, беспокоится.

Юля взяла подругу за руку, провела на кухню, усадила на табуретку, набрала номер.

- Сережа, добрый вечер. Это Юля Соколова. Узнал? Тут у меня проблема. Ты не мог бы сейчас приехать по одному адресу? Спасибо. Пиши.

Юля заварила кофе, разлила по чашкам, они молча сделали несколько глотков, когда позвонил ее телефон. Она ответила и сказала Любе:

- Это Сережа. Он на площадке. Пойдем, откроем.

Они вышли в прихожую, посмотрели на Василия, который сидел, сгорбившись, на диване в гостиной. Он смотрел невидящими глазами в экран телевизора, включенного на полную громкость.

- Здравствуйте, я - Кольцов, детектив, - сказал Любе стройный светловолосый человек с усталыми глазами и повернулся в Юле: - Что тут у вас приключилось?

- Да вот, - кивнула она в сторону возникшего на пороге комнаты разъяренного Василия.

- Кого это вы сюда притащили, маразматички чертовы?

- Спокойно, - произнес Сергей. - Я вам все сейчас объясню. Лично мне все в общих чертах понятно. Любовная лодка разбилась о быт. Или что-то в этом роде. А вот синяки у женщины на лице - это большая ошибка. Это прокол, старик.

Глава 7

...Они молча подышали морозным воздухом в темном пустынном дворе.

- Какие планы на ночь, девушки? - вежливо осведомился Сергей.

- Ко мне поедет, - ответила Юля. - Ну, что ты скажешь, Сережа, как профессионал?

- Только то, что тебе скажет любой непрофессионал. Выперли нас в принципе по делу. Типа вмешательство в частную жизнь.

- С мордобоем?

– Ты даже не представляешь, какой разнообразной порой бывает частная жизнь чужих людей, в которую нас, как правило, не приглашают. Люба, извините меня, но эти ваши чисто семейные разборки – соседка-подстилка в халате, трусы в сумке, – над ними может поработать адвокат, если вы действительно решили разводиться, но следователю здесь нечего делать.

– Люба тебя и не звала, – запальчиво ответила Юля. – Это мне в голову пришло позвать тебя на помощь.

– Ну, и как ты решила, мое появление чему-то помогло?

– Помогло, – буркнула Люба. – Он трусливый. Что бы он там ни орал, но поджилки у него затряслись, когда вы удостоверением повертели. В другой раз подумает, прежде чем кулаками махать...

– Вам именно так показалось? – с сомнением произнес Сергей. – Ну, тогда я рад способствовать прекращению военных действий. Больше, пожалуй, ничем не могу быть полезен. Юля, вы на машине?

– Да, Сережа. Спасибо тебе. А ты не хочешь к нам заехать? Поужинали бы. Артем бы обрадовался.

– Я б со всем удовольствием. У меня от слова «ужин» желудок затосковал. Только я на дело свое подлое как раз ехал. Пасу одного типа по заказу его богатой жены. Не корысти ради, а токмо волею пославшей мя жены...

– Seriously? – Люба посмотрела на него с интересом. – А если и нам...

– Люба, вам это точно не нужно. Мы найдем хорошего адвоката, который и отобьет вашу двушку. У той жены ставки повыше. Ей надо прибрать к рукам парочку островов, замков, отелей... В общем, милые бранятся, игрушки отбирают друг у друга.

– А, – задумалась Люба. – Ну да. Мне нужно, чтоб он свалил к себе в коммуналку, – и все.

Они вошли в квартиру, когда Ирина Ивановна уже накрывала стол к ужину. Артем лежал на диване и сосредоточенно смотрел мимо экрана включенного телевизора. Юля очень хорошо знала этот взгляд. Ему сейчас понадобится время, чтобы вернуться из своих мыслей туда, где он на самом деле находится.

– Привет, – нежно сказала она с порога. – Артем, вставай. Я не одна. Люба к нам в гости пришла. Ирина Ивановна, я сейчас сама еще один прибор поставлю.

– Да я все сделаю, – мать Артема взглянула на гостью и отвела взгляд от ее синяков. – Раздевайтесь, мойте руки, в общем, располагайтесь.

– Проходите, пожалуйста, – сказал Артем Любе, надевая очки. – Похоже, у вас неприятности.

– Ну да, – легко сказала Юля. – Я даже Сережу Кольцова вызывала к Любе домой. В общем, он нас защищал. Я потом расскажу. Если честно, мы просто падаем от усталости.

После ужина Ирина Ивановна быстро убрала со стола и оставила их втроем. Она не любила чужие проблемы и не особенно радовалась тому, что жена сына постоянно пытается кого-то спасти в ситуации, которую этот кто-то не должен был создавать.

– Я приблизительно все понял, – сказал Артем после эмоционального Юлиного рассказа. – Значит, требуется просто развестись. И в идеале остаться при квартире. Если Сережа обещал помочь с адвокатом, значит, надежда есть.

– Я засыпаю, – вдруг сказала Юля. – Я только что чуть со стула не свалилась, мне даже коротенький сон приснился. Правда, не помню, о чем. Люба, кто первый в ванную идет? Ирина Ивановна тебе постелила в кабинете Артема.

– Иди ты, раз со стула падаешь. А я бы покурила. Здесь можно?

– Кури, – сказала Юля и направилась в ванную, не веря своему счастью: неужели этот день закончился? Неужели она сейчас залезет под свое одеяло? – Так я сразу лягу, ладно? Люба, ты потом все сама. В ванной будет чистое полотенце, ночная рубашка, халат, – Юля так вкусно зевнула, что Артему тоже захотелось

спать.

Он поставил перед Любой пепельницу, какое-то время каждый из них думал о чем-то своем. Потом Артем спросил:

- Ты не боишься все это начинать – адвокаты, имущественный спор, – а вдруг обида или злость, не знаю, пройдут, захочется вернуть все назад, но будет поздно?

- А на черта мне такие отношения, – мрачно ответила Люба. – Вы с Юлькой любите друг друга, вам просто не понять, как жить с человеком, который и убить может, такой придурок...

- Но вы когда-то любили друг друга?

- Вот не помню, честно скажу. Что-то было, конечно. Свадебную фотографию до сих пор в сумке ношу... Хочешь посмотреть?

- Да, конечно.

Артем взял из рук Любы бумажник, в пластиковом окошке которого была маленькая фотография. Она в белом платье, рядом высокий худой серьезный мужчина... «Чудовищно, – подумал Артем. – Белое платье, роза в петлице, поцелуи, близость... А потом эта грязь, которую они льют друг на друга, драки, война за квартиру... Что-то не так с ними обоими».

- Ну как? – Люба сунула бумажник в сумку.

- Нормальный вроде человек...

- Вроде.

- Ты уверена, что он тебе изменяет с соседкой? А вдруг она на самом деле за солью пришла.

- Ха! За солью. Трахаются они. Я вообще уверена, что он трахается с кем попало. Может, даже проституток снимает. Мы с ним давно не спим.

– Ну, раз так... Тогда, конечно... Люба, Юля ванную уже освободила, твоя очередь. Потом я.

Юля была в сладком полусне, когда он лег рядом. Но она его почувствовала, прижалась горячим телом:

– Давай быстренько уснем. Вместе. В одну секунду.

– Давай... Она говорит, муж ей изменяет со всеми подряд. Это так?

– Наверное, раз говорит. Правда, он тоже про какие-то найденные в ее сумке трусы орал, – Юля сладко засопела, уткнувшись носом в его плечо.

Артем закрыл глаза, глубоко вздохнул, предвкушая отдых... И вдруг... Это худое лицо на фото рядом с Любой. Он опять увидел четкую картинку: девушка, лежащая в снегу с завязанным ртом, три мужских фигуры... Один стоит в профиль, у него худое, удлиненное лицо. С усами...

– Юля, – Артем резко повернулся к жене. – Юля, проснись на одну секунду, скажи, у Любиного мужа есть усы?

– Усы? – сонно пробормотала Юля. – Есть. А что?

– Ничего. Спи.

Абсолютно ничего. Ведь все решено: он забыл то, что случилось тем вечером. Он ничего не может изменить. Только нужно поставить какую-то защиту от этих воспоминаний... Он придумает. Артем тихонько поднялся, босиком вошел в гостиную, взял сумку Любы, достал бумажник и долго рассматривал под светом настольной лампы худое лицо мужчины. Здесь у него нет усов. Значит, нужно посмотреть на этого человека теперь, причем в профиль. Убедиться в том, что все худые мужчины с усами издавна похожи. И покончить с этим бредом.

Артем встал раньше обычного, когда Юля еще спала, быстро собрался, вошел в кухню, где мать готовила завтрак:

– Мама, я сегодня должен выйти пораньше, да и есть не особенно хочется. Мне только кофе с чем-нибудь...

Он быстро выпил чашечку крепкого кофе с двумя гренками и почти побежал к машине. От навязчивых идей надо избавляться, наверное, одним способом: осуществлять их. Он завел машину и поехал по адресу, который прочитал в паспорте Любы. Залез в чужую сумку! С ума сойти...

Во дворе Любиного дома он вышел из машины, походил, нашел ее подъезд... Дальше-то что? Может, этот Василий на работу ездит среди бела дня, может, он вообще безработный или надомник – этот вопрос Артем не выяснял у Любы. Он посмотрел на часы. Времени в обрез. Дел полно. Да и холод собачий. В это время молодая пара стала вывозить коляску с ребенком из подъезда. Артем помог, придержал дверь и вошел внутрь. Шестидесят пятая квартира оказалась на четвертом этаже... Артем терпеть не мог даже в гости к знакомым ходить. Но в эту чужую квартиру он позвонил решительно. Дверь открыли быстро. Худой мужчина в джинсах и майке уставился на него отнюдь не гостеприимно.

– Извините, я без звонка, – начал Артем, не зная, что скажет дальше. – Я, собственно, и телефона вашего не знаю. Только адрес.

– Я не понял: а чего это вы должны знать мой телефон и адрес. Вы вообще кто?

– Меня зовут Артем. Я муж Юли Соколовой, подруги вашей жены... Она была у вас вечером... А войти нельзя на минутку? Как-то неудобно на площадке говорить.

– Ладно. Заходите. Вы с женой у нас дежурство, что ли, установили? Вечером – она, спозаранку – вы...

– Да, я понимаю, это для вас неудобство определенное, но я как раз заехал, потому что... Ну, вы же не знаете, наверное, что ваша жена у нас ночевала... Чтоб не беспокоились.

- А. В этом смысле. Спасибо. Что-нибудь еще?

- Попить не дадите?

- Чего?

- Да хоть воды из-под крана.

- Пошли на кухню. Жалко, что ли.

На кухне хозяин взял со стола невытую чашку, сполоснул ее, спустил холодную воду, стал наливать. Артем сосредоточенно разглядывал его профиль. Потом сделал пару глотков и произнес:

- А знаете, я вот до сих пор не понимаю, как близкие люди вдруг врагами становятся.

Василий зыркнул на него маленькими, настороженными глазами.

- Че тут понимать-то. Если об тебя ноги вытирают и чуть что – мозг выносят: моя квартира, пошел вон в свою коммуналку... Вот ты бы как: розами ее посыпал за это?

- Я не в состоянии пока вообще оценить такой уровень отношений. У нас все несколько иначе. Розами я свою жену в принципе не «посыпаю», как вы выразились. Не настолько хороший муж. Но ударить женщину?! Бить ее регулярно? Как это можно, не понимаю.

- Ты б послушал, как она меня несет, как унижить старается, тогда понял бы. Ты что, думаешь, я бедняжку по морде бью, а она тихо слезы льет? Дерется она, понял? Вот, смотри, – Василий продемонстрировал глубокие царапины на своей шее.

- Но вы ей изменяете, как я слышал?

- А она? Ты про нее ничего не слышал? Как она утром приходит, а ее трусы...

– У нее в сумке. Знаю об этом вашем обвинении. Извините, мне пора. На работу опаздываю. А вы работаете?

– Да так. В фирме одной по ремонту телевизоров. А что, Любка сказала, что я не работаю?

– Да нет, об этом вообще разговора не было. Просто я хотел предложить вас подвезти.

– Не. Заказов на сегодня нет пока.

Артем быстро простился, приехал в офис, вошел в свой кабинет. Сотрудники начнут приходить минут через пятнадцать. Он откинулся на спинку стула, прикрыл глаза, вызвал в памяти профиль Василия, затем того человека в парке... Похожи, конечно. Ну, и чего он добился? Можно найти еще двадцать человек, худых, с длинными лицами, усами, – и убедиться в том, что на расстоянии они все кажутся похожими... Да нет, не двадцать, а двадцать тысяч худых мужиков с усами. И все-таки... Все-таки он должен что-то сейчас сделать хотя бы с собой. Он, «ботаник», профан полный во всяких расследованиях. Пусть это такая психотерапия: он вроде бы не виноват в сокрытии преступления, раз ищет людей, похожих на убийц. Ведь кроме него никто их не видел! Если бы, например, оказалось, что у этого Василия есть два приятеля, и у одного из них массивная, широкая спина, что они бывают в этом парке, может, кто-то рядом живет или работает... Может, они, к примеру, ужинают в ближайшем кафе, встречаясь. Тогда... Собственно, что тогда? Он, Артем, в полицию, что ли, пойдет с этим бредом? Разумеется, нет. Он не пойдет туда даже в том случае, если будет убежден на сто процентов в том, что встретил насильника и убийцу. Потому что девушку уже не спасти. А возмездие – это не его занятие и не его цель. Бог накажет, как иногда говорит мама. И все-таки мозг сверлит и сверлит одна мысль: все непараллельные линии рано или поздно пересекаются. То есть теоретически не исключено то, что он может вычислить убийцу. Артему вдруг страшно захотелось увидеть Юлю... Он набрал по внутреннему телефону номер Максима Дайнеко, своего неформального зама. Рассказывать он ему, конечно, ничего не будет, но как-то намекнет, чтоб немножко его подстраховал. Работать в полную силу Артем сейчас не может, что ужасно.

– У меня заказчик, – сказал Макс, – мы должны уехать, но я забегу к тебе обязательно через пять минут.

Когда Артем проводил свое первое рабочее совещание в качестве владельца интеллектуального агентства и бесспорного руководителя коллектива, состоящего из однокурсников, он смущенно сказал:

– Ну, в общем, начальники здесь никому не требуются, подчиненных нет. Я верю в нашу идею, в вас и в демократию. Не знаю, что еще сказать. Давайте работать.

– Можно я уточню? – улыбаясь, спросил Максим, не самый сильный ученый среди них, но, наверное, самый харизматичный парень – в меру коммуникабельный, достаточно самоуверенный и умеющий в случае необходимости поставить любого на место. – Это называется – сам себе режиссер, ребята. Но не стоит увлекаться. Нам всем приятно грызть гранит науки до потери сознания, но здесь, за зарплату, нужно обслуживать состоятельных клиентов и вовремя останавливаться.

Так Максим стал неформальным заместителем Артема, что все сразу приняли как должное.

Когда он вошел в кабинет, как всегда, собранный, уверенный в себе, крепко пожал руку, Артему сразу стало легче. Конечно, на него можно все оставить... Ненадолго, пока получится справиться с этой мутой в душе, в голове...

– Макс, я коротко. Извини, что задерживаю. Мне немного не по себе, вирус, мама говорит, подхватил. В общем, я могу задерживаться, а сейчас уехать хочу, полежать. Решил тебя попросить: подстрахуй, а?

– Ты считаешь, меня нужно об этом просить? Артем, ты меня обижаешь. Мне кажется, тебе стоит раз в жизни нормально поболеть дома. Выбросить все из головы, попить таблетки.

– Да в том-то и дело, что выбросить все из головы не получается. Таблетки пью... Спасибо тебе. Все в порядке? Выглядишь ты отлично.

– И тебе спасибо, Люлек, – рассмеялся Макс. – Стараюсь.

Дайнеко быстро вышел из кабинета, Артем проводил его взглядом. Уж на что он ничего не понимает в одежде, но и то замечает, какие хорошие костюмы носит

Максим, как здорово они сидят на его крупной, ладной фигуре. В принципе им всем нужно так выглядеть. Но Артем покупает то, что выбирает Юля, пройдя перед этим пытку примеркой. То, что результат хуже, чем у Максима, это однозначно. Ну, и остальные – кто во что горазд. Хуже всех выглядит Лева Ежов, практически гений. Где он достает такие страшные джинсы, – было загадкой еще в университете. Они сохранились! Равно, как и его свитера. Однажды Максим ему сказал:

– Слушай, Лева, я бы повез тебя в нормальный магазин, купил бы костюм твоего размера. Но если с костюмом так обращаться, как с этими несчастными псевдоджинсами, ты станешь еще большим чучелом, чем сейчас. Хоть постирай их.

Лева поправил свои страшные, как и все остальное, очки и ответил:

– Вот сейчас все брошу и поеду с тобой... Мне б твои заботы. Кстати, тебе не удалось меня обидеть, жалкий ты фраер, – он беспомощно улыбнулся неизвестно кому и надел другие очки – для компьютера, тоже страшные.

Макс тогда взглянул на Артема и пожал плечами.

– Лева – это аксиома, – объяснил Артем. – Лично мне он нравится.

Ему стало легче от сознания, что друзья рядом, в деле, он скоро вернется к ним совершенно прежним... Артем подошел к окну и увидел, как Максим с заказчиком с озабоченным видом идут к золотистому джипу, о чем-то оживленно разговаривая. Это тоже было достоинством Максима – он со всеми умел найти общий язык.

Глава 9

Юля с Любой уже пятнадцать минут стояли в пробке. Юля, как обычно, нервничала: ее бесило вынужденное бездействие. Люба угрюмо молчала. Юля взглянула на нее: все еще ужас. Синяк по краям пожелтел, местами стал зеленоват, ближе к глазу просто чернота какая-то. В общем, картина маслом.

Они пытались его замазать тоном, но у Юли оказалось слишком легкая косметика для такого украшения.

- Люба, если не хочешь, можешь не говорить, но что за чушь твой Василий нес про какого-то клиента и трусы в сумке? Это он из мести, что ли, придумал?

- Да какая месть. То есть говорит он об этом направо-налево, конечно, из мести, но не придумал. Не с его мозгами чего-то придумывать.

- Ты хочешь сказать, что это было?

- Юль, тебе не надоело девочкой маленькой прикидываться? Вроде замужем, причем не первый год... Ну, а почему не было? Я что - больная, кривая, косая, в монашки постриженная? Да мы с Васькой не помню когда спали в последний раз.

- Странная у тебя реакция, однако. Я просто уточняю. У тебя еще и адвокат спрашивать будет. Это, наверное, хуже, чем я. Ты на самом деле провела ночь с клиентом? И действительно трусы твои были не на тебе, а в сумке?

- Ну, провела ночь с клиентом. А с кем еще я могла быть? У меня что: есть время по клубам ходить или в ресторанах мужиков клеить? Что ты на меня так смотришь? Мы вроде никакой клятвы типа Гиппократа не давали: клиент - это святое. Дизайнер, служи и не навреди. Заказчики у нас совершеннолетние, и, знаешь, совращать особо никого не требуется.

- Допустим. А трусы-то почему были в сумке, ты не предполагала, что твой Василий может туда заглянуть? И вообще: аврал, что ли, был у вас? Ты одеться не могла там, на месте?

- Ну, так получилось. Мы были у него, потом в одном месте посидели, выпили, бутылочку с собой взяли. Пока до моего дома доехали, ему опять захотелось... Я, если честно, уже не очень соображала. Я эти несчастные трусы вообще забыла в машине. Роман меня позвал, и когда я вышла, отдал их, ну, я их в сумку и сунула. Я даже про своего придурка не могла подумать, что он в пять утра выскочит да еще в сумку сразу полезет...

– Ты сказала: Роман?

– Ну да. Тот самый, которому ты сейчас дом оформляешь. А перед этим он нам квартиру заказывал.

– Ну и дела. Ты меня извини, конечно, но неужели ты лучше не могла найти...

– А чем же он так уж хуже других? – огрызнулась Люба. – Между нами, девочками, у него все на месте. На всякий случай сообщаю, может, пригодится.

– Не пригодится. Ты знаешь...

Опоздали они минут на пятнадцать. Когда вошли в кабинет, все сотрудники молча стояли у своих рабочих мест и смотрели на них с выражением торжественным и серьезным.

– Колька! – выпалила Юля, глядя на Кузнецова. – Ну, и что, по-твоему, это должно обозначать?

Николай вышел вперед, как распорядитель похорон.

– Нам было трудно, но мы сплотились и морально подготовились к любому исходу: к тревожной вести, к выносу, то есть вносу ваших прекрасных тел... Павших в неравной схватке с маньяком...

– Идиот, – гневно произнесла Люба и направилась к своему столу. – И вы все вместе с ним. Вот повезло мне с работой. Как и с мужем.

– На самом деле, – Вероника говорила, сидя ко всем спиной, лицом к монитору, – есть категория людей, которым катастрофически со всеми не везет. С мужьями, коллегами, соседями, продавцами, прохожими... Вот почему, интересно?

– И почему, Ника, скажи, как специалист по везению? – Коля с удовольствием подхватил тему, чтобы только не работать.

– Чисто теоретически, лишь для тебя, Коля, могу предположить. Объективный вывод возможен при учете мнений контактантов.

– Собственно, только я тебя и понял. Остальным нужны формулировки попроще. Но мысль глубокая. Мы сейчас все узнаем. Юлька, рассказывай, что сказал тебе о нашей Любани ее монстрообразный муж? За что он ее так? И эдак? И регулярно?

– Заткнись, скотина, – рявкнула Люба и осеклась, взглянув на дверь.

На пороге стоял Роман, выжидая паузу.

– Здравствуйте. Юлия, у меня появились идеи, вы не можете со мной сейчас поехать?

– Вообще-то, – растерялась Юля, – я собиралась как раз заняться планом, концепцией вашего интерьера... Может, подетально обсудим потом, как договорились?

– Я, типа, не понял. Я – заказчик. Я хочу вам сказать, что мне нужно. Если надо с шефом переговорить, я пойду к нему.

– Переговорите, – сухо ответила Юля. – У меня сегодня много дел в офисе именно с вашим заказом.

Роман молча нарочито ленивой походкой прошествовал по комнате к кабинету начальника. Все с интересом разглядывали его. И только Люба, презрительно хмыкнув, уставилась в компьютер.

– Ты что-то хотела сказать? – нервно спросила у нее Юля.

– А то, – не повернув головы, ответила Люба.

Роман вышел из кабинета и остановился у стола Юли.

– Он сказал, вам виднее, с чего начинать. Я не понял, что за дела?

– Я заметил, что вы многое не понимаете, – охотно вмешался Коля. – Можно, я объясню?

Роман молча уставился на него.

– В общем, ситуация такая, – объяснил Коля. – У нас заказчики встречаются с дизайнерами, чтобы сотрудничать. А девочки на побегушках сидят в другом месте. Примерно так.

– И чего ты мне лепишь, – Роман набычился. – Я могу и в другом месте найти таких специалистов... Слышь, – повернулся он к Юле. – Так я позвоню. Завтра.

– Я сама вам позвоню, – быстро ответила она. – План и первые эскизы завтра вышлю на е-мэйл.

Роман кивнул и направился к выходу. В дверях он столкнулся с Артемом, который пропустил его, машинально посмотрел вслед... и застыл. Широкая, практически квадратная спина в кожаном пальто, короткая шея, стриженный затылок... Артем прерывисто вздохнул. Его контора располагалась в квартале от офиса Юли. То есть отсюда тоже можно выйти в тот же парк... Он, не заходя в комнату, тихонько окликнул Юлю с порога, она подняла глаза и выбежала к нему.

– Ой, ты! Все нормально? Почему ты вдруг приехал?

– Да просто сказать тебе хотел. Знаешь, я посмотрел в Любином паспорте адрес и поехал к ней домой. Захотелось посмотреть на этого человека. Ну, мы же ей советовали разводиться... А вдруг, думаю, это ошибка...

– Какой ты молодец! Вот поверишь, я хотела тебя попросить об этом, но не решилась. Ну, и как он тебе, этот Василий?

– Да я, собственно, особенно и не вникал. Одно понял: разводиться им нужно и как можно быстрее. Это какие-то чудовищные отношения.

– Вот видишь, я же говорила. Кошмар какой-то. Мне было там реально страшно.

– Да, я очень захотел тебя увидеть. Вдруг подумал: никогда не говорил тебе, до чего же ты милая.

– Темкин, – Юля быстро и нежно прижалась к мужу. – Как же я тебя люблю.

– Так я поеду, хорошо? Кстати, а кто это вышел сейчас из вашей комнаты?

– Это заказчик. Роман Степанов. Я как раз его домом занимаюсь.

Глава 10

Сергей Кольцов провел прекрасную ночь в своем автомобиле, запрещая глазам закрываться, мозгам отключаться, рту – сладко зевать. Он гордился тем, как здорово у него получается командовать собственным организмом. А что ему еще оставалось делать, – только гордиться собой. В подобных ситуациях мечтать, к примеру, о теплой постели – значит, все пустить под откос. Сон караулил его со всех сторон. Он подкрадывался к нему холодной бессонной ночью с пуховыми, серыми большими платками, какие лежат в квартире бабушки на всех креслах и диванах. Для Сергея они с детства – олицетворение уюта и тепла. Так, эти коварные видения все-таки становятся навязчивыми. Сергей заставил себя вылезти из машины, походить вокруг нее, даже набрал в ладони снегу, чтобы умыться, но решил, что такая попытка – это уже слишком. Можно обойтись и без подобных самоистязаний. Он вернулся в машину, закурил и подумал, может ли он себе позволить отказаться от гонорара, ради которого торчит с вечера до утра в километре от чужого особняка. Эта мысль его немножко развлекла. Нет, не может. Итак, что он имеет. Достаточно известный деятель Ковров – политик, бизнесмен, из тех, кто вхож и во власть, и в криминал, и в коридоры патриархии, – уже неделю проводит в полном уединении в своих загородных хоромах. Не иначе, как о народе думает вдали от суеты, жены, дочери и прочих глупостей. По вечерам охрана пропускает во двор черный «Мерседес», в котором, как известно Сергею, находится женщина. Стекла тонированные, за рулем водитель деятеля, дама на заднем сиденье. То есть ни какой техникой ее не запечатлеть, не рассмотреть. Довольно рано утром ее увозят. Требуется, чтобы она на минутку вышла из машины, – вот и вся работа. Но за каким чертом она выйдет, интересно? Сергей медленно развернул свою машину, практически перегородив дорогу, затем достал маленький складной нож и со вздохом провел острым лезвием по тыльной стороне ладони... Не так, чтобы очень больно, но все-таки горько смотреть на струйки собственной безвинно пролитой крови. А вот и «мерин», собственно. Сергей расстегнул куртку, придал ей достаточно

потерпевший вид и заметался по дороге, бросился к черному автомобилю. Тот остановился, водитель опустил стекло.

- В чем дело? Ты что, пьяный?

- Да нет, посмотрите, нет... Я ехал с девушкой... Мы были на даче. Нас остановили... Полицейская машина! Они схватили мою девушку, меня оттолкнули, один вот чем-то полоснул по руке... Главное, телефон отобрали, я не могу никому позвонить.

- А кому ты хочешь звонить? В полицию, что ли? Жаловаться на полицию? Мой тебе совет - не будь дураком.

- Ну, мне хотя бы домой добраться... Там волнуются. И потом, я не могу машину развернуть, голова кружится, наверно, от потери крови... Может, у вас есть бинт или что - руку перевязать.

- Виктор, возьмите в аптечке бинт и перекись водорода, - раздался низкий, довольно приятный женский голос. - Хотя давайте я сама перевяжу.

Высокая худая дама в длинной черной норковой шубе открыла заднюю дверцу и вышла из машины. Она взяла из рук водителя бинт, пузырек с перекисью и довольно умело перевязала Сергею руку, несмотря на нарощенные ногти не менее сантиметра длиной. Сергей старательно кряхтел, украдкой разглядывая ее ухоженное лицо с выступающими скулами, небольшим острым подбородком, карими глазами, оттененными волосами платинового цвета.

- Спасибо большое, - скорбно произнес он.

Дама вынула из кармана мобильник и протянула ему. Он набрал собственный номер, они вместе послушали длинные гудки.

- Спят, наверное, - сказал Сергей. - Я удалю сейчас номер. Еще раз спасибо.

- Не за что, - ответила дама и вернулась на свое место. - Виктор, помогите молодому человеку развернуться...

Они промчались вперед, Сергей устало вздохнул и снял маленькую видеокамеру, прицепленную к «молнии» куртки. В этот момент зазвонил его телефон в нагрудном кармане.

– Если бы вы позвонили на десять минут раньше, – спокойно произнес Сергей, – все накрылось бы медным тазом. И я, возможно, уже лежал бы в канаве с пробитой головой. А ваш муж уже послал бы кого-нибудь с вами разбираться. Я к тому, что соображать вообще-то надо, Елена Васильевна. Извините, конечно, за резкость. Да, все есть... Ну, увидите сами. Блондинка с карими глазами. Я приеду вечером. Сейчас еду спать. У меня травма... Я понимаю, что вы не можете терпеть. Но придется. Все. Пока.

Он сжал зубы до боли, чтобы глаза перестали слипаться, прибавил скорость и пробормотал:

– Не просто блондинка, а мать Тереза оказалась. Как я ей в глаза посмотрю на процессе.

Глава 11

Он уже подъезжал к Кольцевой, когда заметил у обочины странную сцену. Мужчина в дубленке с лопатой в руках стоял у синей «девятки» и то поднимал руку, как будто просил о помощи, то опускал. Сергей сбавил скорость. Мужчина явно не знал, как ему поступить. Он нервно открывал и закрывал багажник, потом бросался куда-то по заснеженной редкой лесополосе, возвращался, вновь голосовал. Сергей подъехал, остановился, вышел из машины.

– Проблемы? – спросил он у немолодого человека с очень расстроенным лицом.

– Я не знаю, – растерянно посмотрел тот на него. – Может, у меня что-то с головой. Но мне кажется... В общем, начну сначала. Мы с женой живем недалеко отсюда. Ну, вон там, в поселке... Пес у нас этой ночью умер. Бонечка, пудель. Я хотел вызвать службу, ну, ветеринарный ритуал, а жена сказала: не дам его сжигать. Похоронить решили. Она тоже хотела поехать, но сердце прихватило. Я приехал. Копаю Бонечке могилку – жена сказала, что надо глубоко, чтоб не

отрыли голодные стаи... В общем, может, я с ума схожу, но мне показалось... – у мужчины прервался голос.

– Что вы там увидели?

– Вроде нога чья-то...

– Пошли, – Сергей двинулся по протоптанным следам к яме, выкопанной под старым тополем. Мужчина зашел за ним. Они остановились на краю. Сергей молча взял у мужчины лопату, прыгнул на дно, стал долбить мерзлую землю... Потом поднялся наверх.

– Как вас зовут?

– Николай Иванович.

– Меня – Сергей. Звонить в полицию нужно, Николай Иванович. Там действительно кто-то закопан. Похоже, женщина или ребенок.

– Да вы что! Господи, черт меня сюда принес. А вы что, уедете, Сергей?

– Нет. Я позвоню сам. Дождусь. Вам тоже придется дожидаться.

Он позвонил, потом с жалостью посмотрел на совершенно перевернутого человека и сказал:

– Давайте пока под другим деревом Бонечку вашего закопаем. И еще. Вам нужно все как-то осторожно объяснить жене, это может затянуться, и не исключено, что вас попросят проехать в отделение.

– То есть как?

– Ну, показания на месте дать... Убийство все-таки...

– Убийство?!

- А что же еще...

...Через полтора часа оперативники извлекли из ямы маленькое почерневшее тело. Николай Иванович закрыл лицо руками. «Женщина», - сказал Сергей.

- Кто вы такой? Как оказались здесь? - резко повернулся к нему невысокий полноватый следователь.

- Сергей Кольцов, частный детектив, - Сергей протянул удостоверение. - Проезжал мимо, когда Николай Иванович голосовал на дороге. Он в этом месте хотел свою собаку похоронить, ну, вот, и обнаружил.

- Какую еще собаку? Почему именно в этом месте? Предъявите свои документы.

- У меня с собой только права, - испуганно сказал бедолага.

- Так, Сидоров Николай Иванович... Так что это за история с собакой?

- Это не история. Я приехал Бонечку похоронить. Начал копать, и вот...

- Случайно собаку решили закопать там, где тело убитой женщины зарыто, случайно частный детектив в свидетелях оказался... Интересно. Где, кстати, собака?

- Вон, мы под тем деревом закопали...

- Ребята, давайте, разрывайте.

- Да вы что?!

- Николай Иванович, - Сергей взял его за локоть. - Пусть. Я потом все исправлю. Поезжайте с ними, я найду вас.

Он подошел к следователю и чуть наклонился, чтобы заглянуть ему в глаза.

- Извините, вы не представились.

– Чего?

– Фамилию свою назовите, пожалуйста.

– Лейтенант Онищенко.

– Благодарю. Вы можете осмотреть труп собаки, ее уже достали.

Сергей отвел в сторону Николая Ивановича, записал телефон его жены, адрес, взял ключи от его машины.

– Сергей, – сказал этот несчастный синими губами. – Если поможете с могилкой сейчас, машину пригоните, Вале объясните, – я... я отблагодарю, вы не сомневайтесь.

– Это вы не сомневайтесь. Я все сделаю, как положено, и, если вас сегодня не отпустят домой, завтра вас найду. Не беспокойтесь. Говорите только то, что было на самом деле.

...День, конечно, задался. Сергей перехоронил Боню, отогнал машину по указанному адресу, долго утешал ничего не понимающую, заплаканную женщину. Потом по дороге домой позвонил в отдел по расследованию убийств другу Славе Земцову.

– Земцов со вчерашнего дня в отпуске, – холодно произнес совершенно незнакомый женский голос. – Я за него.

– Елки-палки, – вырвалось у Сергея до того, как он разъединился. Без Славы у Николая Ивановича все может пойти не так. Этот Онищенко – точно не луч света в темном царстве. У него на лбу написана жажда с полпинка раскрыть убийство.

Артем подошел к своему дому в глубокой задумчивости, достал из кармана ключи, потом отошел от подъезда и нашел взглядом окна своей квартиры. Свет горел во всех комнатах. Так поступает только Юля. Да, она уже дома, Артем увидел за стеклом лоджии ее тонкий силуэт. Он улыбнулся. Удивительное дело: один взгляд на нее издалека, и в его душе все становится на свое место. Он чувствует покой и тепло. Он вошел в квартиру, Юля выбежала навстречу, обрадовалась так, как будто ждала его через неделю.

– А мы не успели, – сказала она виновато. – Мы шарлотку к твоему приходу собирались испечь. Но я только яблоки собираюсь резать.

– Продолжай, – улыбнулся он. – А лучше брось. Давай просто вместе посидим, кино посмотрим.

– Ой, давай. Пока ты переоденешься, я быстренько все дорежу.

– Смотрите свое кино, – насмешливо сказала с порога кухни Ирина Ивановна. – Я все сделаю. Ужин через десять минут будет на столе. Шарлотка с чаем, соответственно, через сорок минут.

Когда Артем пришел из ванной, Юля сидела в гостиной на диване с этим своим неотразимым выражением лица озорной девчонки, живыми, блестящими темными глазами, и демонстративно держала в руках все пульты.

– Чур, я выбираю. Сначала пробежимся по всем каналам, потом по три минутки по каждому новому диску из тех, что я покупаю, и после... если уж совсем будет невтерпез, – тогда один мультик и «Иван Васильевич». Хорошо?

– Конечно, – он сел рядом с ней, притянул ее к себе, вдохнул теплый, родной запах и подумал, что был просто болен в последнее время. Как будто зараженная кровь отравляла мысли, угнетала, лишала его сил. Вот сейчас он, наконец, отдохнет, расслабится, вернется к себе и своим любимым. Мама ставит его синюю тарелку, красиво раскладывает ломтики мяса и гарнир, пахнет горячим хлебом из хлебопечки...

– Юля, давай к столу, – говорит Ирина Ивановна. – Потом будете смотреть, все остынет.

– Да я сейчас что-нибудь найду... ой, смотрите...

Артем мельком взглянул на экран телевизора, сначала не понял, что там... В кадре увидел комки мерзлой земли, снег, чьи-то фигуры, лопаты. И что-то, очень похожее на тело человека на растянутом брезенте... Это длилось максимум несколько секунд. Но он разглядел маленькую босую ногу. Резко встал.

– Юля, выключай. Давай поужинаем без этих ужасов.

– Сейчас-сейчас, – проговорила Юля, – вот только дослушаю.

«Тело неизвестной, которую вы видите на оперативной съемке, было найдено в лесополосе на 15-м километре, – говорил невысокий плотный человек уже в кабинете над титром «А. Онищенко». – Сейчас мы ожидаем заключения экспертизы. По подозрению задержан некто Сидоров, который находился на месте захоронения с лопатой в руках...» – Артем выключил телевизор и в замешательстве остановился посреди комнаты. Нет, он явно не выздоровел, он не в состоянии владеть собой. По сути – таких репортажей по телевизору немало. Это разные случаи, другие трагедии, не имеющие отношения к тому, что он видел. А даже, если то... Ну, что поделаешь. Пусть разбираются. Вот кого-то задержали. Артем попытался улыбнуться.

– Юль, извини, просто я так устал, так хотел отвлечься от всего... ну, не в тему это... Потом как-нибудь узнаешь, чем это закончилось. Они всегда возвращаются к своим сюжетам.

– Да, конечно. Все нормально, – Юля бодро встала с дивана, пошла к столу, но в ее быстром взгляде, брошенном на него, Артем прочитал недоумение и даже тревогу. Наверное, показалось.

Артему удалось проглотить большую часть содержимого своей тарелки, хотя это было очень нелегко. Он даже обрадовался, когда зазвонил Юлин мобильник, лежащий на пианино. Можно на время прекратить изображать голод.

– Да, – удивленно говорила Юля. – Я узнала вас, Роман... Вообще-то нет, я не могу сейчас ничего обсуждать. Я дома, с семьей, мы ужинаем... Позвоните, пожалуйста, мне завтра на работу. Куда приехать? Зачем? Ну, мы же вроде обо всем договорились. Я сначала делаю первоначальный план, эскизы... Да, вы

говорили про свои идеи, но я все учту в рабочем порядке... Извините, больше не могу обсуждать это сегодня.

Артем внимательно посмотрел на Юлино взволнованное, покрасневшее лицо, встретился с ее растерянным взглядом и постарался спокойно спросить:

– Это тот самый твой заказчик? И чего он хотел? Куда и когда ты должна ехать?

– Я никуда не должна ехать, – с горячностью сказала Юля. – Ну, не понимает человек. Я видела дом, теперь у меня работа в офисе, за компьютером...

– Они все сейчас такие, – вмешалась Ирина Ивановна. – Хозяева жизни – каждый сам по себе. Для них все – обслуга, раз они платят.

– Да, – торопливо согласился Артем и встал из-за стола. – Что-то мне жутко спать захотелось. Я пойду лягу, а? Вы без меня кино посмотрите.

– Ты здоров? – озабоченно взглянула на него мать. – Может, температуру измерить?

– Да нет у меня никакой температуры. Просто недосып...

В спальне он, не зажигая света, лег в постель, накрылся одеялом с головой. Хорошо бы действительно сразу уснуть. Провалиться в сладкую, бездумную глубину. Может, попросить у мамы таблетку снотворного? Но начнутся расспросы, встревоженные взгляды... Нет, он сейчас не хочет видеть ни мать, ни Юлю. Он желает побыть совершенно один... Артем вспомнил, как маленьким мальчиком иногда просыпался среди ночи, подходил к окну, отодвигал тяжелую штору, смотрел на узенький полумесяц или на полную луну и тихонько шептал: «Пусть завтра случится что-то хорошее». И всегда случалось... Артем взглянул на задвинутую штору и почувствовал жуткий, липкий страх. Где-то там осталась хрупкая убитая девушка, которой помочь мог только он. Где-то бродят ее убийцы, узнать которых может только он. Задержан какой-то человек с лопатой... Один из них? Но почему один? Когда это было? Где? Может, надо было дослушать?

Дверь спальни тихо открылась, вошла Юля с подносом, зажгла ночник рядом с кроватью, села на краешек.

- Тем, ты же не спишь. Посмотри.

На подносе стояла чашка горячего чая с лимоном, тарелочка с куском вкусно пахнущего яблочного пирога. Его любимого, с ванилью и корицей.

- Я вообще-то пытался уснуть, но что-то не получается. Давай сюда шарлотку.

Он проглотил два куска и поставил поднос на столик.

- Юля, а этот Роман где живет?

- Дом на Рублевке построил. Живет в Москве, вроде недалеко от нашего офиса, ну, так он сказал сейчас, я адрес не спрашивала.

- То есть он хотел, чтобы ты к нему домой приехала?

- Ну да, идеи у него какие-то... Ты чего, Тем? Ревнуешь, что ли? К нему?! Ой, какой ужас! Ты что!

Юля его затормошила, стала целовать губы, нос, глаза, как она это любила делать - быстрыми, легкими поцелуями...

- Конечно, ревную, - попытался улыбнуться он. - Вон как у вас там. Клиенты, трусы в сумках. Ну, шучу я, шучу, ты же задушишь меня сейчас. Слушай, Юль, мне выспаться нужно, сходи, попроси у мамы таблетку снотворного, скажи, что тебе. Соври, что голова болит. А то меня она вопросами и советами замучает.

- Да я просто пойду и возьму в аптечке. Действительно, выпей.

Она принесла таблетку, он проглотил ее, запил чаем.

- Засыпай, - нежно сказала ему Юля. - Я передачу одну досмотрю и тоже приду.

Он с тоской посмотрел ей вслед. Сейчас ему уже не хотелось оставаться одному. Он прикрыл глаза, стал ждать, когда подействует таблетка... Черт, этот Роман живет недалеко от Юлиного офиса, потому и выбрал их фирму. Может запросто ходить через парк... Нужно узнать его адрес. Что это даст? Он просто посмотрит на него сзади. Еще раз. Как следует. Если Роман постоянный заказчик Юлиной конторы, значит, знаком и с Любой. Вдруг они приятели с Любиным мужем, и именно тот привел его в эту контору... Два человека, очень похожие на тех из парка, действительно могли оказаться там вместе в ту ночь...

Таблетка подействовала плохо. Она не увела Артема в мягкий теплый сон. Он метался в поту между сном и воспоминаниями, в мозгу засели кадры телепередачи... Артем в ужасе открыл глаза. Он в ловушке.

Когда Юля легла рядом с ним, он нашел ее ладошку и крепко сжал. Она никогда не узнает, что он в этот миг цепляется за нее, как за соломинку.

– Не спишь? – Юля прижалась к нему. – Тогда я посплетничаю. Этот Роман, что мне сегодня звонил... В общем, он и есть тот клиент, после которого Люба трусы в сумке привезла. Представляешь?

– Ох, нет. Просто ужас с этими трусами.

Глава 13

Сергей неторопливо пил черный крепкий кофе из белоснежной тонкой фарфоровой чашки и молчал, как садист. Ну, может он немного отдохнуть после тяжелой работы. Взгляд клиентки, плотной, крепкой женщины средних лет в дорогущем брючном костюме цвета топленого молока, просверлил ему висок. Он безмятежно посмотрел на нее:

– Стесняюсь спросить, Елена Васильевна: а сигару мне можно?

– Бери, Сережа, сигару, выпей коньяку, только прекрати издеваться. Рассказывай. И, главное, показывай.

– Ну, раз вы позволили, я выпью, покурю, потом покажу... Какая прелесть, просто райский аромат... Вы с таким видом ко мне приблизились... Я не разбудил в вас зверя? Рассказываю, хотя вы в общих чертах все уже слышали. Была длинная ночь, лютый холод... Она вышла утром из машины, чтобы мне первую помощь оказать.

– Какую помощь?

– Первую. Ну, как в песне: «Ко мне подходит санитарка, звать Тамарка, давай-ка рану первяжу...»

– Ты что, опьянел уже?

– Да нет. Я действительно был ранен, в километре от вашего особняка. Мою машину остановили менты, забрали мою девушку, нанесли вот этот порез. Включу, кстати, это в счет.

– Какие менты, какая девушка? Ты с ума сошел? А... Это ты там цирк такой устроил? Ну, молодец. Вписывай свою царапину. Ну, дальше!

– Добрая женщина, умелые, заботливые руки... Вы извините меня, конечно, но она ничего. Я примерно такую видел когда-то в кино про Джеймса Бонда. У вашего Вадима Петровича... Ладно, не туда меня занесло, все понял. Сейчас покажу.

Елена Васильевна впилась острым взглядом в монитор, сжав от волнения руки в кулаки.

– Слушай, я ее первый раз вижу. Я думала, это Нинка, жена Боброва, или Алиска Федорова. Но этой точно рядом с ним никогда не было. Ты распечатал фотки?

– Вы собираетесь их на столбах клеить – «сообщите кто это за вознаграждение»? Или просто будете знакомым и прохожим показывать?

– Ты у нас самый умный, как мне, дура, такой достался? Парочку фоток мне оставишь, я рассмотрю получше. Остальные тебе пригодятся. Сколько тебе дней нужно, чтобы узнать все про нее?

– Позвоню.

– За то, что сделал, сейчас рассчитаться?

– А вы какого ответа ждете?

– Хорошо... Вот. Бери, пиши расписку в получении, иди, работай.

– Я спать сейчас еду.

– Хорошо. Иди спи.

Сергей поднялся и с сомнением уставился на возбужденное лицо клиентки с бледно-голубыми глазами и крючковатым носом.

– Вы в порядке, Елена Васильевна? Выглядите, как перед прыжком в безумство или преступление.

– Я в порядке. Я должна подумать, решить, как лучше... Слушай, чего ты ко мне привязался? Иди!

Сергей по дороге проехал несколько супермаркетов: дома у него в лучшем случае был батон полузасохшего хлеба да пачкапельменей в холодильнике, но желания остановиться ни разу не возникло. Конечно, приятно чувствовать, что у тебя в кармане сумма, с которой можно позволить себе купить и то, и другое, и третье... Но не попрется же он ради этого в магазин, чтобы убивать время, ползая по залу с тележкой, стоять в очереди в кассу, тащить пакеты. Нет, сегодня он точно перебьется. Сергей меланхолично представил себе другую ситуацию: он возвращается домой, а там его – ну почему нет – жена ждет. Могла бы у него уже быть жена. Ну, к примеру, такая платиновая блондинка с карими глазами. Он приходит, а в его квартире стоят вазы с гиацинтами (он понятия не имел, что это такое), элегантная жена целует его в щечку, накладывает свежую повязку на порез, красиво сервирует стол. Ну, там первое, второе, третье, мороженое, компот, дыня – предел воображения! Надо все это вдумчиво жевать, нахваливать, общаться, потом еще общаться... О, нет! Лучше пельмени. На этой оптимистичной ноте Сергей подъехал к дому, вошел в квартиру, глубоко вздохнул. Степной волк должен жить один, жизнь без своей норы для него мука.

До утра столько времени... Своего времени... Он будет сидеть, лежать, бродить по квартире, ничего не делать, есть, спать, не думать о том, к чему приступить с утра. Сергею стало так хорошо, что он полез за мобильником, чтобы выключить его. Не успел. Раздался звонок.

- Сергей? - спросил незнакомый, но очень специфический голос. - Из СИЗО звонят (ударение на первом слоге). С вами говорить будут.

- Слушаю.

- Сергей, - он с трудом узнал голос утреннего знакомого Николая Ивановича. - Ты узнаешь? Это я, Сидоров... Ты извини, вот помог парнишка тебе позвонить. У меня такое... Он мне глаз повредил, ухо разбил... Я... - Николай Иванович всхлипнул. - Он хочет, чтоб я в убийстве сознался. Сережа, я боюсь его...

- Я понял. Завтра вас найду. Дайте трубку контролеру... Как ваша фамилия?

- Сержант Иваньков.

- Спасибо, Иваньков, за помощь. Просьба: срочно вызывай к нему врача: сильные боли, сердечный приступ, шепни, чтобы в больничку забрали. Скажи, Земцов просил. Он действительно просил. Утром на допрос Сидорову нельзя. Должен под капельницей лежать или что там еще. Когда выступишь, позвони, скажешь, какой врач дежурит, дай ему мой телефон. Я утром найду вас обоих, рассчитаемся. Будешь доволен. Делай.

Сергей пометался по квартире, откровенно и с удовольствием матерясь, потом набрал телефон Земцова.

- Да, - зевнул тот в трубку. - И чего тебе надо среди ночи? Я в отпуске, у мамы в Дубне. Спать мы уже легли.

- Привет. Знаю. Кто там за тебя? Какая-то мамзель.

- Ну, Маша Осипова. Хорошая девушка. А в чем дело?

- Позвони ей с утра. Дело очень серьезное. Следак один твой – Онищенко – невинного человека прессует по поводу признания в убийстве.

- А. Ну, он дурак. Настолько, что мечтает стать генералом. Но я из-за него отдыхать не брошу, не надейся. Даже вникать не стану.

- Да я сам вникну. Пусть эта Маша не мешает, а лучше – поможет.

- Нет, ну ты так вопрос ставишь. Она занимает сейчас мое место и сама принимает решения...

- Слушай, не морочь мне голову. Позвони ей с утра, скажи, кто я, и что дело серьезное.

- Да позвоню, какой ты без меня нервный. А как вообще дела в частном сыске? Бугра своего накрыл на супружеской измене?

- Накрыл.

- Почему?

- Потом скажу, еще не все готово для победы. Но финотчет тебе представлю по дружбе.

- И финотчет представишь, и все, что надо, поставишь...

- Слав, ты действительно спать хотел? Или сказал это от нечего делать? Я вообще-то с ног валюсь. Пока. До созвона.

- Ну, пока, – разочарованно ответил Слава.

Сергей открыл дверь кабинета руководителя отдела по расследованию убийств Вячеслава Земцова через пятнадцать минут после начала рабочего дня. У окна спиной к нему стояла высокая, стройная женщина с коротко стриженными белокурыми волосами и курила у приоткрытой фрамуги. Спина была идеально прямая, в развороте плеч, в манере держать голову на тонкой изящной шее Сергею почудилось высокомерие привлекательной женщины в мужском коллективе. Не хватало еще, чтоб выпендриваться начала. Времени мало. Он кашлянул.

- Можно войти?

- Да, входите, - отрывисто и четко произнесла девушка, повернувшись к нему.

- Я Сергей Кольцов, частный детектив, вам Земцов должен был позвонить.

- Я знаю вас. Еще по генпрокуратуре. Нас туда посылали на стажировку. И тут видела...

- Да? - удивился Сергей. - Как я мог вас не заметить...

- Я здесь недавно. Только, пожалуйста, не надо рассказывать, как вы восхитились бы, заметив меня. Я и так в курсе, что должна вам помочь. Слава звонил. Только не знаю, как это сделать. Дело, что ли, у Онищенко силой выдирать? Он тут работает дольше, чем я.

- Но вы сейчас - руководитель.

- На месяц... Ладно, неважно. Так в чем там дело? Слава ничего мне не объяснил.

Сергей сел и начал рассказывать, с интересом наблюдая за тем, как меняется выражение лица Марии Осиповой. Небольшие светло-голубые глаза то были холодными, как льдинки, то теплели, то темнели в зависимости от ситуации. А лицо у нее совсем юное, круглое, лоб широкий и ясный. «Не дура точно», - осторожно подумал Кольцов.

Выслушав его, она набрала номер по внутреннему телефону и произнесла: «Толя, зайди ко мне, пожалуйста». Онищенко вошел минут через десять косолапой походкой, с озабоченным выражением лица встал перед столом, за которым сидела Маша.

– В чем дело? По телефону не могла сказать? Мне некогда. У меня сейчас допрос.

– Садись. У тебя есть время. Ты вчера допрашивал Сидорова, свидетеля по делу найденного тела девушки, и он сейчас в больнице. То есть допроса не будет.

– Чего-чего? Он тут мне прикидываться будет? Щас позвоню, его из этой больнички в целлофане доставят.

– Да нет, Толя, информацию у врачей я получу. Распоряжение Вячеслава Михайловича. Если очень нужно, он тебе позвонит, самолично скажет.

– Че это вы задумали? Дело у меня отобрать? Запахло раскрытием, так ты тут подолом стала мести? Не выйдет!

– Встать, лейтенант Онищенко! – Маша произнесла это таким металлическим голосом, что Сергей сам с трудом удержал себя на месте.

Онищенко оторопело поднялся.

– Садись. Дело у тебя пока никто не отбирает. Разбираться буду в методах дознания как руководитель отдела. Параллельно уточню обстоятельства. Вот, кстати, еще один свидетель по делу. Наш коллега, следователь Сергей Кольцов. Судя по тому, что он рассказывает, ты не с того начал, Толя.

– О! А я его вызывать собирался. И он там крутился – при лопате, у захоронения...

– Здравствуйте, – любезно улыбнулся Сергей. – Чувствовал, что скоро увидимся.

– Что ты тут наплел, частный сыскарь, который был на месте преступления с убийцей?

– Какой убийца, Толя? – постучала ручкой по столу Маша. – У нас что, суд уже состоялся? Так, до выяснения я тебе запрещаю вызывать Сидорова. Можешь получать другую информацию по делу. Ну, вот, например, ты хотел вызвать этого свидетеля, а он сам пришел.

– Да на хер он мне сдался, подсадная утка, – Онищенко вскочил, опрокинув стул. – Сколько ему Сидоров заплатил за присутствие на месте преступления и показания? Я узнаю. Я это так не оставлю. Вмешательство в расследование. Я пошел работать, и ты мне мешать не вздумай. Земцову она позвонила! Подсуетилась. Я найду, кому позвонить.

Наблюдая за этой сценой, Сергей несколько раз отмечал растерянность в Машиных глазах. Сам он сидел, не издавая ни звука, с нейтрально-кротким лицом. Когда Онищенко пошел к выходу, разгневанно виляя толстым задом, Маша встала.

– Стоять, Онищенко, – она вышла из-за стола и подошла к лейтенанту. Он остановился, но не повернулся к ней. – Повторяю. Я сейчас проверяю у врачей состояние Сидорова, то есть получаю информацию о методах дознания. Вы меня поняли?

– Так купили они этих врачей, не ясно, что ли? Я еще и врача тряхну...

Он повернулся, и теперь они стояли лицом к лицу. Коротенький пухлый Онищенко и вытянувшаяся в струнку, побледневшая Маша.

– Ты не понял, Толя, – произнесла она тихо, почти интимно. – Если ты еще раз распустишь свои поганые руки, я сама их тебе выдерну и в твою же задницу засуну. Ты – резиновая подушка, ты только с подследственными сильный. А я из тебя мочалку могу сделать, если захочу. Идешь звонить своему... Тьфу, сказать противно, кому. Звони. Я успею. Я почти месяц – начальник. Свободен.

– Да, – только и смог произнести Сергей, когда Онищенко испарился, а Маша вернулась на свое место. – Это было незабываемо, женственно и элегантно. У него действительно есть кто-то – тьфу, сказать противно?

– Есть. Типа покровитель наверху.

– Это бесполезная информация.

– Давайте пока без ваших штучек с информацией, шантажом и всем тем, чем вы привыкли заниматься, – лицо у Маши было явно расстроенное. – Я попробую без этого разрулить ситуацию.

– Конечно. План, в принципе, прекрасный. Выдернуть, засунуть... Мне идея понравилась. Не знаю, как ему...

Маша вдруг весело рассмеялась.

– У него полные штаны. Сто пудов. Мы с ним как-то провели один раунд в спортзале. На спор. Да не раунд, а две минуты получилось... Ладно, идите, Сергей Александрович. Я займусь этим Сидоровым. Позвоните мне, свидание дам. Получится дело забрать или нет, – не уверена.

Сергей вышел во двор, сдерживая улыбку. Маша Осипова понравилась ему даже больше, чем старый друг Земцов. О чем он честно и сказал по телефону данному другу.

– Понимаешь, я вдруг подумал – первый раз за все годы, – вот если бы ты был голубоглазой блондинкой, наше сотрудничество было бы плодотворнее.

– Да ладно, не свисти, – не очень внятно произнес Слава. Похоже, он решил весь отпуск провести, просыпаясь лишь для того, чтобы позевать всласть. – Машка с тобой пить не будет. Она, конечно, голубоглазая, но я чувствую: дай ей волю, она половину МВД под статьи подведет. Я пару раз с ней говорил и был просто в шоке. Представляешь, она против взяток. Так она называет маленькие знаки внимания нашим нищим, по сути, сотрудникам. Ну, ты ж газеты читаешь: гонораров у нас нет, как у частных.

– Да ты что! Такой монстр? Хорошо, что ты меня предупредил. А вообще спасибо. Пока все нормально. Можно тебя иногда будить?

– Ну, я не знаю. Не увлекайся только.

Артем уже без всяких сомнений взял тихонько Юлин телефон, когда она спала, переписал в свой мобильник последний номер из журнала вызовов. Он решил – не задавать себе вопросов: почему он делает то, чего еще с вечера, к примеру, не собирался. Что-то делать оказалось гораздо легче, чем думать о том, что он не смог предотвратить... У него не было цели. Решать уравнения – его профессия. Она всегда защищала его от жестокости жизни. Может, и сейчас...

Он опять уехал из дому раньше обычного. Приехал в свою контору, которая находилась в небольшом двухэтажном доме: кто-то построил себе когда-то дачу в черте города, потом решил продать. Артем и несколько его сокурсников по математическому факультету МГУ выкупили этот особнячок (Ирина Ивановна и еще пара родителей продали дачи, кто-то «лишнюю» квартиру, кто-то – машину). Они повесили у входа скромную, интеллигентную и интригующую табличку – МЭР. Что обозначало: мы это решим. Зарегистрировались, открыли свой сайт в Интернете. Чего у них не было с самого начала, так это конкурентов. Они занялись решением математических, логических задач, возникающих в серьезных фирмах, где не было настоящего мозгового центра. Очень часто такого центра нет, потому что сотрудникам не стоит особенно вникать в дела фирмы. А задачи, которые под силу решать только настоящим профессионалам, иногда все же возникают. МЭР выполнял лишь разовые заказы. Никакой постоянной поддержки бизнесу, никакого участия в разработке лукавых схем, ведущих к успеху в круговом обмане. Просто немного науки, новаций, которые поднимают дело на другой уровень.

Они принимали заказы на написание дипломных работ и диссертаций и не считали это противозаконным. Они уступали за деньги свое авторство, ручаясь за качество. Кому лучше от того, что «чайники» кропают никому не нужные работы, каким-то образом защищаются, захламляя узкое пространство науки. А фамилия автора – ну, какая разница, кто будет значиться под тем, что может принести реальную пользу. У Артема был даже случай, когда он с одним непризнанным гением долго бился над одной теоремой... Работу выдвинули на соискание Нобелевской премии. «Только давайте без этих глупостей, – сказал он автору, когда тот порывался задним числом назвать его соавтором. – У меня приличная контора по выполнению заказов, мы гарантируем конфиденциальность... И вообще: не хватало, чтобы к нам рванули все изобретатели вечного двигателя».

Он всегда знал, чем должен заниматься, у него никогда не возникало ничего такого в жизни, о чем нельзя было бы рассказать товарищам по работе, жене, матери... И вдруг наступило это странное время, когда он не знает ничего и почему-то все должен держать в тайне.

Артем набрал номер, переписанный из Юлиного телефона, пару минут слушал длинные гудки, не представляя, что скажет, когда ему ответят.

– Степанов на связи, – произнес жидковатый, хриловатый голос.

– Здравствуйте, Роман, – сказал Артем. – Извините, не знаю, вашего отчества. Я... Даже не знаю, как представиться. В общем, я – Артем Соколов, муж Юлии, дизайнера, которая занимается отделкой вашего дома...

– А в чем дело? – настороженно спросил Роман.

– Вы только не подумайте, что я вмешиваюсь в Юлины дела, ни в коем случае. Я звоню совершенно по другому поводу.

– Что еще за повод?

– Понимаете, мы хотим помочь Юлиной подруге – Любе Николаевой. Вы ведь с ней знакомы? Юля сказала, что Люба тоже ваш заказ выполняла. Сейчас у нее большие неприятности с мужем. Очевидно, развод. Она просила помочь ей с адвокатом. Я этим занимаюсь, попросил одного знакомого... Хотелось бы поточнее объяснить ситуацию, чтобы он мог действовать наверняка... Дело в том, что они обвиняют друг друга в супружеских изменах. Василий, к примеру, красочно описывает одну ситуацию, в общем, вроде бы он ее обвиняет в том, что она с вами провела ночь. Нам хотелось бы это опровергнуть...

– Я в шоке. То есть выходит, что Васька мне какие-то предъявы делает? Да я за ту ночь меньше ей заплатил, чем он у меня потом проел и выпил.

– То есть вы знакомы?

– Конечно. Он пристал ко мне, когда я к ней в контору приехал. Подждал точно, деньги просил. Ну, мы пошли, посидели, он мне такое про нее рассказал...

- Этого не нужно пока, пожалуйста.

- А чего тебе нужно? Артем, говоришь?

- Да, собственно, я узнать хотел: вы можете быть причиной их развода? Суд будет иметь повод признать его пострадавшей стороной? Там есть имущественный аспект... Люба хочет, чтоб ей осталась ее квартира.

- А. В этом смысле. Это он может. Стать пострадавшим, чтобы заполучить ее квартиру. Только любовников он назовет - рыл пятнадцать, не меньше. Мне примерно столько перечислил.

- Вы так сблизились?

- Ну, что значит - сблизились. Встречались несколько раз, пили, по бабам ходили. Друзьями мы не стали.

- Знаете, неловко по такому поводу к вам обращаться. Но если бы вы рассказали о фактах его измен, мы могли бы рассчитывать на то, что суд признает брак недействительным с его стороны, скажем, именно из-за квартиры, что, собственно, и требуется...

- Какие факты, Артем? Мы снимали баб на улицах, в кабаках. Как их звать, не всегда знали.

- Не помните, когда в последний раз это было?

- Не-а. Недавно. А чего это тебе дает?

- Не знаю пока. Поговорю с адвокатом. Вы не будете возражать, если я позвоню вам после этого разговора? Может, мы встретимся?

- Да звони. Приезжай. Жену возьми. А то она что-то тормозит у тебя. Не, я не в обиде, просто хотел, чтоб мы вместе побыстрее все сделали, обсудили.

- Я понял. Передам ей... Или нет. Скорее всего, не передам. Знаете, я не вмешиваюсь в ее профессиональные дела.

– А. Молодец. Пусть женщина сама решает. Это точно. Я сам ее приглашу с тобой. Хочешь?

– Да. Спасибо.

Артем задумчиво смотрел на телефон. Ну, и что с ним делать, если он действительно пригласит? Непонятно. Артем включил компьютер, попытался набросать концепцию проекта, над которым работал, но все шло как-то не так. Не было полета, черт бы его подрал за привычку таскаться по парку. Он решительно встал и пошел к Максиму, чтобы хоть узнать, как вообще идут дела. Кабинет Максима был закрыт. Артем заглянул в секретариат, он же – бухгалтерия. Там сидели секретарша Ася и бухгалтер Валентина Петровна.

– Здравствуйте, – сказал Артем. – Где Макс, не знаете?

– Знаю, – охотно выпалила Ася, симпатичная девушка с курносым носиком и большими круглыми глазами. – Он только что заходил и сообщил. С ума сойти. Его пригласили на ювелирную выставку в Доме художника, что ли. В общем, там будут все, ну эти... В газетах напишут, он сказал, выставку по телевизору покажут. Я сейчас включу, можно? Ну, это ж надо! Всегда его приглашают, – Ася обиженно надула губки. – Это вообще, по-моему, только женщинам интересно.

– Ой, женщина нашлась, – скептически покосилась на Асю монументальная и важная Валентина Петровна.

– Да, представьте себе, – ответила Ася и с надеждой добавила: – Максим Георгиевич сказал, что если там будут раздавать всякие «фенечки», он для меня возьмет.

– Да? – Артем был немного озадачен. – Мне кажется, если бы я знал, что такое «фенечки», я стал бы счастливее.

Он вышел в коридор, и в этот момент ему позвонил Дайнеко.

– Да, Макс, все в порядке. Я на работе. Ася мне сказала, где ты.

- Тема, слушай, тут можно купить красивые стильные украшения. Купить что-нибудь для Юли?
- Я не знаю, - растерялся Артем, - что ей нравится, ничего в этом не понимаю... Ася сказала, это пафосное мероприятие. Юля носит скромные украшения.
- Ты очень удивишься, но «пафосные» украшения должны выглядеть именно скромно. Несмотря на цену.
- Ой, с ценой - это тоже вопрос не ко мне. Может, у Юли спросишь или у мамы?
- Ладно. Все ясно с тобой. Я выберу то, что сочту нужным. А устраивать перезвон по этому поводу - это уже не подарок. Если тебе покажется дорого, прими от меня.
- Да ты что! Я просто так брякнул, потому что не держатель семейной кассы. Но Юля будет очень рада. А я еще больше.
- Ну и прекрасно. Если честно, я уже присмотрел одну подвеску. Черный сапфир, мой любимый камень. К ее глазам подойдет.
- Ты настоящий друг, нет слов. Нам сейчас что-то красивое очень кстати. Захандрили все.

Глава 16

Сергей ждал звонка от своего помощника Кости, который поехал с утра собирать информацию по поводу платиновой блондинки из особняка мужа клиентки. Он сидел за кухонным столом и бездумно рисовал в блокноте блондинок. Как легко их рисовать на белой бумаге. Овал лица, глаза и двумя линиями волосы. Вот эта - с длинными, эта с короткими... Его важное занятие прервал звонок. Он не сразу узнал голос.

- Добрый день, Сергей Александрович. Это Мария Осипова говорит.

– Кто, простите?

– Заместитель Земцова, отдел по расследованию убийств.

– Извините, я задумался. Я вас, конечно, узнал. Как раз собирался позвонить.

– Вы просили информировать вас о ходе расследования. В общем, после передачи по телевидению – неделю назад она прошла – поступают звонки насчет пропавших девушек. Мы провели несколько опознаний: не те. А вот два дня назад... Приехал мужчина из-под Харькова. Его дочь уехала в Москву несколько лет назад. Снимала квартиру, звонила редко, потом перестала совсем. Он опознал дочь. Вешняк Григорий Петрович.

– Эксперты работали?

– Конечно. Масленников. Генетическая экспертиза, все, что полагается... Опознание было несложным. Мороз... В общем, скоро он приедет для показаний.

– Мне можно присутствовать?

– Я потому и звоню. Через час сможете?

– Где будет разговор, у Онищенко?

– У меня. То есть в кабинете Вячеслава Михайловича. Мы так решили. Я ему звонила. Толя будет присутствовать.

– Хорошо. Спасибо. Я приеду.

Сергей задумчиво отложил в сторону телефон. Круто. Осипова не отстраняет Онищенко, она помогает ему: разрешает присутствовать. Серьезная девушка... Значит, объявился отец этой несчастной... Вряд ли он многое знает о жизни дочери в Москве. Если он вообще хоть что-то знает. Они летят сюда, как бабочки на огонь, теряются в карусели «неместных», пытающихся выстоять, выдержать, победить в этом марафоне за удачей... Для одной он закончился. О том, каково сейчас ее отцу, лучше не думать...

- Слушаю, Костя, - ответил Сергей на телефонный звонок.

- Докладываю, шеф. Виктория Леонидовна Корнеева, тридцать четыре года. Живет на улице Академика Пилюгина, рядом с Воронцовским парком, в четырехкомнатных хоромах. Одна, квартира собственная. Зарегистрирована Корнеева, между тем, в однушке в Гольяново. Жила там с матерью, вроде алкоголичкой... Уточню.

- Откуда квартира четырехкомнатная?

- Бабки во дворе говорят: олигарх подарил.

- Ну, а что такого? Бывает. Чем она занимается?

- В этом я не разобрался пока, извини. Но на работу с утра не ездит.

- Так она ж с нее возвращается утром, как мы знаем. Впрочем, не будем злословить. Возможно, это любовь. Ну, что ж. Спасибо. Адрес сбрось мне эсэмэской. Ну и продолжай выяснять. В том духе: с кем общается, по одному ли адресу на ночь выезжает. Какие, скажем так, интересы... Я на связи.

Сергей посмотрел на заживающий порез на своей руке и вздохнул. Он вспомнил добрые красивые женские пальцы, которые бинтовали его рану, сверкающие платиновые волосы, загадочные карие глаза под белой челкой... Да, нет у них ничего святого, у частных сыщиков. Прав настоящий мент Слава Земцов. Ради гонорара какого-то наверняка придется доставить неприятности вполне симпатичной женщине. А, может, и вообще ее жизненные планы обломать. Хотя, с другой стороны, - если это любовь, то будет им счастье и в шалаше. А шалашей у возлюбленного Виктории Корнеевой наверняка немало. И все они ничего себе. Особенно по сравнению с комнатой, где она прожила часть жизни с матерью-алкоголичкой.

Он прочитал присланное Костей сообщение, подошел к компьютеру, пробил по адресу номер домашнего телефона и набрал его. Ответил довольно низкий, приятный женский голос. Она, конечно. Сергей разъединился. Пока нет повода ни для разговора, ни для встречи. Он набрал номер заказчицы.

- Ну что, - выпалила Елена Васильевна, не ответив на приветствие. - Что ты узнал?

- Вам что-нибудь говорит имя Виктория Корнеева?

- Нет. Ничего. Совершенно точно. Я могу поспрашивать у знакомых?

- Пока не нужно. Я только одного не понимаю, неужели никто из ваших многочисленных, доброжелательных знакомых ничего ни разу не сказал вам о новой подруге вашего мужа? В вашем кругу все друг друга знают.

- Так в том-то и дело. Это ж как надо скрываться, чтоб никто не знал. Я потому и забеспокоилась, что мне перестали про него рассказывать.

- То есть ситуация для вас необычная?

- Совершенно необычная. Слушай, а ты думаешь: он хочет на ней жениться и меня без гроша оставить?

- Елена Васильевна, думать - вообще не входит в мои обязанности. Я должен что-то знать. Узнаю - сообщу. Пока. До связи.

- Подожди. Ты про нее мне расскажи...

- Да пока ничего интересного. Адрес, то, се...

- Дай адрес, а?

- Не дам. Не возбуждайтесь. Он вам ни к чему.

Глава 17

Сергей подъезжал утром к отделению, когда ему позвонил Артем.

- Привет, Сережа. Есть минутка?

- Ну, скажем, три. Привет. Что-то срочное?

- Да, собственно, я, наверное, потом... Я по поводу адвоката для приятельницы Юли, ну, той, которую ты ездил от мужа спасать. Юлька тебя вызывала. Помнишь?

- А. Фингал под глазом, трусы в сумке... Помню. Тут, конечно, встанет вопрос, какой гонорар потянет эта приятельница. Сам знаешь, почему нынче адвокаты, да еще приличные.

- Я не знаю. Сомневаюсь, что у Любы много денег. Я подумал, может, у тебя время будет, мы встретимся, я тебе расскажу, что знаю об этом муже... Вдруг какие-то мысли появятся.

- Темка, вот это совпадение! Ты второй человек, который надеется на то, что у меня есть мысли. Ну откуда, старик? Меня ноги кормят, как говорится. А ты что, так проникся историей несчастной жены?

- Да просто Юле хочется помочь. Ты же знаешь, какая она эмоциональная.

- Юлька у тебя - классная. Она очень хороший человек. Как она там за эту Любу на амбразуру бросалась. Амбразура - это супруг.

- Я понял. Ну, так что с адвокатом? Или сначала поговорим?

- Нам бы просто встретиться пора, посидеть, поболтать. Но я как белка в колесе, честное слово. Еще и влип так. Собственно, я б тебя уже свел с хорошим адвокатом, который и взял бы по-божески, но... В двух словах. Я еду сейчас по одному делу. Я - случайный свидетель. Человек один, совершенно мне незнакомый, хотел собаку свою похоронить. В результате сидит по обвинению в изнасиловании и убийстве.

- Я не понял.

- Ну, копал он яму для собаки, а в ней – тело убитой девушки. Так повезло несчастному. Я вызвал полицию. Ну, они сразу и нашли удобного подозреваемого: стоит у захоронения с лопатой. Стало быть, он убил и закопал.

- Да ты что! Такое может быть?

- Такое часто бывает. Потому и советуют: бегите от трупов подальше.

- А. Ну да. Я что-то такое слышал. Правда, думал, что это преувеличение.

- Как-нибудь и об этом поболтаем. Просто я сейчас к чему. У меня приятель адвокат, который, если нужно, и бесплатно возьмется защищать, но этому бедолаге он нужен больше, чем Любе. Понимаешь, очень хочется Юле помочь, но, согласишься, это разные ситуации – вытащить человека из-под обвинения в убийстве или квартиру отбить у плохого мужа. Мы найдем Любе, конечно, кого-то, но платить придется и, скорее всего, прилично.

- Да, я понял... А что-то известно об этой убитой девушке?

- Ну, отца ее нашли. А почему ты спрашиваешь?

- Юля видела передачу по телевизору, мне рассказывала: вроде тело девушки нашли.

- Надо же. Это наверняка она. Передачу о ней недавно показали, после чего отец и нашелся. Опознал... Я уже приехал, извини. Обязательно позвоню. И ты звони.

Сергей шел по коридору ленивой походкой ковбоя, с непроницаемым взглядом серых глаз под густыми ресницами, чуть помедлил перед дверью кабинета, вошел с дежурным выражением: «Привет, я просто так заглянул...» Серьезная Мария подняла голову и поздоровалась, Онищенко блеснул глазками и перевел взгляд на стену, худой мужчина, сидевший к двери спиной, развернулся и посмотрел на Сергея беспомощно, как человек, который не обжился еще в своем горе. Он пока не уничтожил в себе надежду... что все окажется не так. Сергей кивнул и быстро прошел к стулу у окна – своему месту у стола друга. Он знал, что его лицо по-прежнему ничего не выражает. Такая удобная физиономия: не

видно по ней, как ему плохо от чьей-то надежды, которую они сейчас добьют.

- Григорий Петрович, - сказала ровно Маша. - Это наш помощник, частный детектив Сергей Кольцов, который по стечению обстоятельств оказался свидетелем по делу. Он будет присутствовать при нашем разговоре. Вы не возражаете?

- Я? Я не возражаю. Спасибо вам. - Григорий Вешняк встал и с ожиданием посмотрел на Сергея. - Вы расскажете про мою Нину?

- Садитесь, Григорий Петрович, - сказала Маша. - Информации о вашей дочери у нас пока нет никакой. Мы, собственно, ждем, что вы нам о ней расскажете.

- Ну, вы сказали - свидетель.

- Да. Кольцов видел вашу дочь уже мертвой.

Вешняк сел на стул, опустил голову с редкими русыми волосами, зажал между коленями трясущиеся руки, долго молчал.

- Так я не знаю... Шо я можу сказать. Хорошо, шо Полина, жинка, не дожила до такого...

- Ваша жена умерла?

- Пять рокив назад. Поихалы в Киев, сказали: рак у ней. Операцию надо делать. А Поля и кажэ: «Не надо, Гриша, мени операции. Нема у нас таких грошей. Шо насобирали, нехай Нинка в Москву еде, як хоче. Може, в люди выбереться...» Вот так сказала. Так и зробили.

- Ваша дочь, Нина Григорьевна Вешняк, 1989 года рождения, уехала в Москву после смерти матери?

- Да, через год.

- Куда именно она поехала?

- А я не знаю... И она сама не знала. Сказала, найду там работу...

- Нашла?

- Вроде нашла. Звонила... Года два звонила, потом перестала...

- Вы ее искали?

- Питав, колы з Москвы кто-то приезжав. Казали, бачили...

- То есть вы даже не знали, где она жила?

- А шо мени це дасть? Я в Москву первый раз сейчас прыхав. Кому нужен такой батька - нема у нас ничего. Бидно живем. Я - механик по селу, моя маты стирать-прибирать к людям ходыть.

- Вы сами видели передачу и решили, что это ваша дочь?

- Я не бачив... Маты ходить прибираться до жинки одной. Вона дом построила у нас, сама вроде в Харькови на телебачени работае. Мама давно ей казала про Ниночку. Просила, може, вона узнае чого. Вона сказала, шо написала в передачу «Жди меня». Вот оттуда и позвонили, вона маты показала... ну я не знаю, як называється...

- Диск. Почему ваша мать подумала, что это Нина?

- Вона так не думала. Ни боже мой... Просто мучилась сильно. Ну, и каже: надо поихать в Москву, узнать. Развязала платок, куды для Нины гроши собирала, дала... Знаете, за уборку и стирку у богатых вона за три дня може пять пенсий заробить. Но мы не рвались. Если б у Нины дитки булы - тады да. Щас заробить можно.

- У вас есть родственники в Москве?

- Алка, сестра моя двоюродная, давно сюда переихала.

- Адрес знаете? Контакт поддерживали?

- Та ни...

- Фамилия, отчество?

- Селезень Алла Степановна... Так вы не сказали, отчего Нина померла?

- Вашу дочь убили, - быстро произнесла Маша. - Сергей Александрович, вы отвезете Григория Петровича в гостиницу?

- Да, конечно, - Сергей поднялся.

- Минуточку, - возмутился Онищенко. - Я не задал ни одного вопроса свидетелю.

- Пострадавшему, - поправила Маша. - У вас будет еще возможность. Этот разговор мы закончили. Займитесь, пожалуйста, поиском Аллы Степановны Селезень, лейтенант Онищенко. Все свободны.

Они ехали молча. Сергей остановил машину у гостиницы «Украина».

- Григорий Петрович, у вас деньги есть?

- Да, - с готовностью сказал тот. - Мама дала. Вам надо заплатить?

- Ну, что вы. Я имел в виду, есть ли деньги на гостиницу.

- Маю.

- Вот мой телефон. Если будут вопросы, звоните.

- Спасибо. Такой вопрос. Дивчина та, вона сказала, шо Нину вбили? Чи я не поняв?

- Да. Мой совет: постарайтесь об этом не думать. Тяжелое время у вас впереди.

– А як...

– Напейтесь, что ли. Вы пьете?

– Та ни... Ну, так... На праздник.

– А теперь у вас не праздник. Хотите, я с вами войду, пойдём в ресторан, выпьем водки? Поедим?

– Ой, Серега, – Вешняк всплеснул руками, в бледно-голубых глазах заблестели слезы благодарности.

Они пили в ресторане, отец плакал, потом смеялся, вспоминая дочку маленькой, по дороге в номер держал Сергея за локоть, как будто боялся, что тот его бросит. В номере сел на кровать, сжался в комок. Сергей поставил на столик непечатую бутылку водки.

– Это тебе, если ночью проснешься. Выпей и сразу засыпай.

– Да, – послушно сказал Вешняк. – Слышь, я тебе не рассказывал, як мы на санках катались с Ниночкой. Занесло санки на свалку под снегом. Она вылетела, не удержал я... Лобик разбила. Железяка там торчала. Так бровка одна и не зрослась... Як в морге показали, а там бровка ее порватая... Ой, – вскрикнул он тонко, как от острой боли...

Сергей вышел из номера, когда Григорий уснул, не раздеваясь. Пошел походкой ковбоя, который скрывает рану. В сердце, что ли...

Глава 18

Сергея разбудил телефон, он посмотрел угрюмо на номер и сбросил звонок. Семь утра! Угрозило попасть с этой Еленой Васильевной. Зверь-баба. Что узнал, что узнал... Да ничего не узнал. И даже не решил, что хотелось бы узнать, чтобы ограбить этого Коврова по полной программе. Пока ясно лишь то, что он предпочитает ночи проводить не с женой. А кто с женой... Сергей со вздохом

нашел эсэмэски от Кости с адресами Виктории Корнеевой и местом ее регистрации, по которому живет мать. Начинать, наверное, лучше с матери. Генеалогия, то да се... Щелковское шоссе, это за автовокзалом... Тащиться по пробкам часа полтора. Он встал, храбро шагнул под холодный душ, потом чистил зубы, брился, глядя себе в глаза. Вот не идет у него это дело. Неохота, что ли. Интересас нет. Надоели эти тетки, которые сначала выходят за богатого, потом начинают под него рыть, чтоб стал беднее. Конечно, если подвернется что-то стоящее, появится и спортивный интерес. Кто ищет, тот всегда найдет. Когда он сел в машину, был уже практически в форме. Дом нашел без труда, прошелся у подъездов, нужная квартира оказалась в третьем, вот только домофон не работал.

- Простите, - Сергей остановил женщину в темной куртке с белой болонкой на руках. - А как проникают в этот дом?

- Обыкновенно. Квартиру набираете. Вам какую?

- Тридцать пятую.

- Это чья ж? Я из другого подъезда.

- Виктория Корнеева там прописана, не знаете такую?

- Витка, что ли? Не знаю, какая у нее сейчас фамилия. Мать там ее одна живет. Вернее, не одна. Собак у нее семь или восемь, мы уже со счета сбились. Так у нее домофон не включали, она ж не платила. У нее и телефон за неуплату отключили.

- Понятно. А вас как зовут?

- Вера.

- Вера, вы не окажете мне любезность? Мне очень нужно попасть к матери Виктории, но, судя по тому, что вы сказали, это проблематично. Вы знаете кого-то в этом подъезде? Не могли бы набрать и попросить, чтобы мне дверь открыли?

– А вы вообще кто?

– Ну, скажем, знакомый Виктории, хотелось бы узнать о ней побольше... Перед тем, как, возможно, узами брака сочтаться.

– Ой, ничего себе! Узы брака... Я прям не знаю, что сказать...

– Давайте просто попробуем в подъезд проникнуть.

– Ладно, я позвоню Эмме, приятельнице, мы с собачками гуляем... Эмма, это Вера. Слушай, ты подъезд не откроешь? Тут к Алке пришли. Потом расскажу, кто. Ты просто умрешь... Открывай и одевайся. Я тебя жду. – Вера повернулась к Сергею: – Идите, третий этаж. Только в дверь ей стучать надо, у нее и звонок не работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/mihaylova_evgeniya/tancovschica-v-luche-smerti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)